

ТЕКСТЫ О ПРАВАХ ЧЕЛОВЕКА И ДЕМОКРАТИИ

Марек Новицки

ПРАВА ЧЕЛОВЕКА

ЧТО ВХОДИТ, А ЧТО НЕ ВХОДИТ В ЭТО ПОНЯТИЕ?

ХЕЛЬСИНКСКИЙ ФОНД ПО ПРАВАМ ЧЕЛОВЕКА

Марек Новицки

**ПРАВА ЧЕЛОВЕКА.
ЧТО ВХОДИТ, А ЧТО НЕ ВХОДИТ В ЭТО ПОНЯТИЕ?**

*Запись лекции, прочитанной на Международной летней школе
по правам человека в сентябре 1998 г.*

ВАРШАВА 2005

Редакция записи лекции: Нелли Вронская

Настоящее издание публикуется в рамках программы:

«Организация и поддержка движений по защите прав человека для гражданского общества в странах СНГ»

при финансовой поддержке со стороны:

Института «Открытое Общество» (Будапешт)

Фонда Джона Д. и Кэтрин Т. Макартуров (Чикаго)

Фонда Форда (Нью-Йорк)

© Хельсинкский Фонд по Правам Человека, Варшава – Польша

Издание I

Тираж 1000 экз.

Подготовлено к печати: Nadhi

ISBN 83-87300-82-9

То о чем я собираюсь здесь говорить – это первоосновы в области прав человека. Нам, наверное, было бы очень трудно дальше работать без определения каких-то стандартных понятий. Поэтому я займусь основными дефинициями важными в области прав человека, которые знаете, как обычно это бывает с определениями, бывают они разные. Но я то введу те, которыми мы здесь будем пользоваться, и это облегчит нам процесс общения. Мы не будем уже терять времени на то, чтобы понять, как кто-то пользуется данным словом. Все мы будем говорить на одном языке. И, тем более что касается самой терминологии в области прав человека, то тут у нас, не только в Центрально-Восточной Европе, но и в Америке и в Западной Европе огромный беспорядок и множество разночтений. Причем очень многие мы видим в международных документах. Разные политические скандалы часто связаны с тем, что стороны спора не до конца определяют то, о чем вообще идет речь и зачем весь спор. Проблемы начинаются уже с того момента, когда приходят журналисты к нам и говорят – «Чем Вы занимаетесь, господин Новицкий? В Польше уже демократия, так зачем же вы занимаетесь правами человека»? И эти журналисты представляют себе, что демократия – это правление большинства. Это, правда, у нас в Польше, сейчас действительно правит большинство и в России правит большинство и на Украине тоже. Прошли свободные выборы, не было никаких фальсификаций, народ избрал, кого хотел в Парламент, и Президента, которого хотел, тоже выбрал. И власть большинства действительно у нас есть. Но неограниченная власть большинства – это очень жестокая система. Если бы мы ограничились, говоря о демократии, такой формулировкой, что демократия – это власть большинства, то в результате возник бы строй, при котором жить было бы невозможно. Неограниченная власть большинства по сути дела в истории была дважды. В начальные периоды великих революций, когда действительно большинство решало, принимало решение – повесить, отнять, и всегда это был очень жестокий строй. И еще в Афинах, была такая власть. Большинство – это были свободные граждане Афин,

и там как раз смертный приговор был вынесен Сократу. Большинство считало, что этого негодяя надо убить. Власть большинства – очень опасная штука, потому что каждый из нас, прежде всего член очень разных меньшинств.

В школе по правам человека, которую мы проводим в Польше, мы даем студентам в самом начале занятий такую задачу. Раздаем всем листы бумаги и просим, чтобы каждый написал 5-6 слов о себе – кто я. Чтобы описал сам себя. Потом собираем эти листы, подсчитываем и показываем студентам. Получается всегда, в общем-то, один и тот же результат: один или два признака обычно дают возможность отнести данного человека к большинству. Один пишет, что он поляк, иногда, что католик – это признаки большинства в Польше. А потом пишет, что чем-то болен или что муж алкоголик или что ребенок больной или что любит кататься на велосипеде, и это так важно для этого человека, что именно это он включает в характеристику. Или что живет вблизи огромной трубы, из которой идет вредный дым, и дома не хватает свежего воздуха, нечем ему дышать. Большинство таких признаков, называемых отрицательными, – это признаки меньшинства. И если бы большинство правило, то было бы очень опасно. Потому что большинство, как правило, индифферентно, а очень часто враждебно по отношению к проблемам меньшинств. Если бы большинство обладало всей полнотой власти, то каждому из нас пришлось бы опасаться, потому что под угрозой оказались бы все те наши признаки, которые нас относят к меньшинствам. Поэтому демократия – это отнюдь не неограниченная власть большинства, это власть большинства, ограниченная неким сводом ценностей. И один из подходов в области прав человека таков: права и свободы человека – это именно то, что ограничивает власть большинства в демократическом обществе. Это свод тех ценностей, которые большинство не имеет права нарушать по отношению к меньшинству. Дело обстоит так: власть парламента ограничена, члены парламента не могут завтра вдруг проголосовать, что из страны будут изгнаны все цыгане или будет отнята земля у землевладельцев, или машины у владельцев... А так в истории бывало. Но в демократическом государстве власть парламента ограничена сводом конституционных прав и свобод, которые законодательная власть не имеет права нарушать. То есть права человека – это то, что ограничивает волю большинства в демократическом обществе. У вас в целом ряде стран скоро возникнут трудности... у вас, у людей, которые

занимаются правами человека. Когда мы занимались правами человека в тоталитарном коммунистическом государстве, где власть осуществлялась вопреки большинству, где небольшая группа номенклатурщиков держала всю власть и осуществляла эту власть вопреки обществу, лозунг прав человека пользовался огромной поддержкой со стороны общества, а люди, хоть они и боялись, все же любили правозащитников. А вот как только мы свергли тоталитаризм, и уже у нас есть власть большинства, то люди, которые занимаются правами человека, будут ограничивать власть большинства, будут защищать каждого человека или защищать отдельные группы, то есть большинство со временем перестанет вас любить. И это вполне естественно. И я думаю, что все наши движения во всех пост коммунистических странах с этим столкнутся. То есть от всеобщей любви они перейдут к положению, когда будут пользоваться поддержкой интеллектуалов, интеллигентов, а рядовые люди отнюдь вас не будут обожать.

Права и свободы человека – это нечто, что происходит только на линии между отдельно взятым человеком и властью. Были, прежде всего, в 60-е годы, в начале 70-х попытки описать человеческие отношения на языке прав человека, то есть попытки выявить и описать горизонтальные отношения. Это не получилось. И сейчас мы вернулись к такому пониманию прав человека, когда говорим лишь только о взаимоотношениях человека с властью. Права человека – это не та область, в которой мы говорим о моих отношениях с соседом, с ребенком, с равноправными партнерами. Это нечто, что происходит между тем, кто осуществляет власть, независимо от того, откуда эта власть: царь это, либо король или же демократически выбранный президент, и тем, кто подчинен этой власти. Еще раз хочу подчеркнуть, что права человека – это права личности, индивида, это не права общественных групп. Нельзя на языке прав человека говорить, например, о правах национальных меньшинств или о правах шляхты, дворянства или крестьянства. А можно говорить о праве каждого человека, принадлежащего к национальному меньшинству. И поэтому в странах, где есть законы о национальных меньшинствах, всегда они называются законами о правах лиц, принадлежащих к национальным меньшинствам, а не о правах национальных меньшинств. Права национальных меньшинств – это уже язык политики, какое тут может быть иное понятие... право на автономию, на самоопределение, на создание собственного государства.

Это уже политические вопросы, а вот право на образование на родном языке, право на то, что во властных органах можно пользоваться своим языком, то, что в суде можно говорить на родном языке – это уже индивидуальное право лиц, принадлежащих к таким меньшинствам. То есть права человека – это нечто происходящее между личностью и государством.

Я говорил тут о правах и свободах человека. У нас есть Европейская Конвенция о защите основных прав и свобод. А в чем разница, чем отличаются права от свобод? Когда мы говорим, что у нас есть на что-то право, это означает, что власть имущий должен засучить рукава и что-то для меня сделать. То есть мое право - это обязанность правящих сделать что-то для меня. Если, например, у меня есть право на образование, то обязанность власти - построить сеть школ, создать сеть таких школ, в которые я бы смог послать своего ребенка, причем школа должна находиться на соответственно близком расстоянии. Будет эта школа платной или бесплатной – это уже особый вопрос. Мы еще к нему вернемся, но школа должна быть, и у меня тоже должна быть возможность воспользоваться ею, а если школы не будет, то должна быть иная возможность, процедура, которой я могу воспользоваться, чтобы заставить президента или министра, правительство, парламент выполнить эту обязанность, потому что их обязанность по отношению ко мне - это создание такой сети школ.

Если говорим, что есть право на труд и если мы сочтем, что есть такое право у человека, я лично так не считаю, но давайте примем за основу, что есть такое право. Это бы означало обязанность власть имущих создать столько рабочих мест и рабочих мест такого типа, чтобы я нашел там, где проживаю, работу, соответствующую моему образованию, а если не найду работу, то должен быть судебный путь или какой-нибудь другой путь, используя который я мог бы обвинить правительство или соответствующую власть в том, что она не выполняет своих обязанностей по отношению ко мне. То есть мое право – это обязанность правящих, что-то для меня сделать.

А свобода - свобода слова, совести, религии, поездок за границу - это нечто как раз обратное. Это запрет власть имущим вмешиваться в мою жизнь. Когда мы говорим о свободе слова, значит, они не имеют права вмешиваться в то, что я говорю, что я думаю, какую информацию передаю другим. Свобода совести и религии означает, что их не

должно интересоваться, во что я верю. Это мое личное дело. Это как раз область моей свободы, власть тут должна быть пассивной и не может вмешиваться. То есть моя свобода - это такая оболочка, за пределы которой власть не имеет права проникать. Это моя область безопасности, то есть туда не имеют права всовывать свои руки, тут я могу делать, что хочу. Мое право – это обязанность властей что-то сделать, а моя свобода – это запрет, что-либо делать в этой области.

То, что я называю правом, иногда в литературе называется положительным, позитивным правом, а то, что я назвал свободой, иногда определяется как негативное право. То есть можно пользоваться либо терминами право и свобода, либо право позитивное, право негативное. Негативное в том случае, когда государство не может вмешиваться в какие-то области моей жизни.

Говоря об отношениях между личностью и властью, следует помнить о трех основных моделях этих взаимоотношений.

Модель первая. Эта модель есть во всех коммунистических конституциях, но не только, и в конституциях Европы XIX века, например, в бельгийской Конституции 1831 года. Согласно этой модели, наши права и свободы дарованы нам властями, это своего рода подарок. Сначала власть, как-то там создана, по милости своей дает нам какие-то права и свободы.

Вторая модель. Её корни во французской революции. Вообще, знаете, конец XVIII века - это, пожалуй, ключевой момент в нашей дискуссии о правах человека: французская революция в Европе и формирование Соединенных Штатов в Америке. Именно тогда и формируется современное мышление о правах человека. Современное мышление о правах человека восходит к этому периоду. Вот эта вторая модель - это модель общественного договора: с одной стороны - власть, с другой стороны - люди. Но люди, как какая-то совокупность личностей, то есть индивидуумов, а не как марксистское новое качество, и мы - люди заключаем с властью договор. Мы обязуемся, что-то делать для власти, например, если государь поссорится с властелином другой страны, то мы возьмем оружие в руки, пойдем воевать, будем платить деньги – это называется налогом, а взамен государь берет на себя обязанность что-то делать для нас и одновременно обязуется гарантировать те или иные наши свободы. Такой договор, который может быть более положительным для властелина или же для человека, очень часто

обретает форму конституции: с одной стороны – власть, с другой стороны – люди. И вот пишем такой договор: кто, что и для кого?

И, наконец, есть третья модель. Эта модель восходит к истории возникновения Соединенных Штатов и согласно ней – у людей есть естественные права и свободы, а откуда они? Я через минутку к этому перейду. Давайте скажем, что у каждого человека есть те или иные права и свободы, и люди договариваются друг с другом о том, что неплохо было бы создать какую-нибудь власть, образовать государство, чтобы оно могло функционировать. Этим людям придется добровольно ограничить некоторые свои права и свободы. Например, ограничить право собственности и платить налоги, для того чтобы правящие действительно могли править. Передать часть своих прав и свобод в распоряжение государства, выбрать лидера и дать ему в руки власть, чтобы этот человек нам служил. А потом, спустя некоторое время, посмотрим, хорошо он служит или нет. Если плохо, ну так откажемся от него, уберем его, возьмем кого-нибудь другого. Если же хорошо, можем его переизбрать. Обратите внимание, первая и третья модели очень отличаются друг от друга. В первой модели у нас столько прав и свобод, сколько мы получили от власти. В третьей модели, у властей определенные полномочия, определенные возможности, то есть власть может ровно столько, сколько мы ей передали, ограничивая свои права и свободы. Это совершенно иное мышление, согласно которому президент или король могут ровно столько, на сколько мы согласимся, что он может.

И опять же времени не хватает. На более широком курсе по правам человека мы предлагаем участникам такое упражнение: даем им какую-нибудь правовую норму и предлагаем ситуацию, к которой надо применить соответствующее правовое положение. Вот ты судья, делай это. И чтобы они в первый раз это сделали, исходя из предпосылки, что у человека есть ровно столько прав и свобод, сколько он получил от власти. А второй раз – в ситуации, когда он применяет подход по третьей модели. То есть, говорим, что у власти столько полномочий, сколько мы согласились ей дать. И оказывается, что при хорошем подборе таких норм и описаний ситуаций приходим к совершенно разным результатам. Спор не просто какой-то, чисто философский, а это все потом выливается в работу судьи. Все это зависит от того, что, по нашему мнению, может себе позволить власть. Делать все или же

делать только то, с чем мы соглашаемся. То есть это очень важно, как видите, даже в судебной практике.

Как я уже сказал, люди обладают какими-то естественными правами и свободами. Откуда у них эти права и свободы? Очень трудно ответить на этот вопрос. Когда мы пытаемся посмотреть на всю эту архитектуру прав человека, надо ввести какие-то основные понятия. В науке обычно бывает так: вначале есть какие-то определения, понятия, не совсем четкие. Нельзя, например, думать о физике без такого, знаете,...как в математике, понятия множества. Все мы понимаем, что такое время, длина или масса. А потом уже мы определяем скорость, ускорение, силу. Нет хорошего определения времени, длины. И вот понятия, которые мы применили в самом начале, они и были понятиями интуитивными, а потом уже возникает четкая наука, точная наука.

И математику, и физику не построишь, если не скажешь, что все мы понимаем, что такое множество. А если мы понимаем что такое множество, то уже на основании понятия множества можно вводить определение других понятий.

Для прав человека таким первым и основным понятием, на котором всё основывается, является понятие человеческого достоинства, или, как предпочитают говорить христиане, это понятие достоинства человека. Есть вообще два вида достоинств: есть человеческое достоинство и есть понятие личного достоинства. Личное достоинство, это нечто близкое понятию чести. Если я веду себя благородно, то у меня есть личное достоинство. А когда я подличаю, я его теряю. То есть личное достоинство зависит от моего поведения, от того, как я себя веду. А человеческое достоинство связано с самой сутью человечности, тут не надо ничего делать, этим достоинством обладает каждый человек, каждое человеческое существо: и младенец, который еще ничего ни плохого, ни хорошего не сделал, но он уже человек, и самый жуткий преступник, потому что он – человек.

Откуда это достоинство? Вот это как раз и неясная область. Христианин может тут процитировать Святого Фому Аквинского и сказать, что: “Человек, созданный по образу и подобию Бога, несет в себе эту частицу Господа Бога”, - и таким образом обосновывает именно человеческое достоинство. А кто-то иной, ссылаясь, например, на такое мышление, может сказать, что все мы неповторимы. Что на протяжении тысячелетий лет существования человечества не было

никогда такой личности, как каждый из нас, с нашим опытом, с нашими переживаниями и с нашими эмоциями, и никогда такого человека не будет. Каждый из нас исключительный и вот эта исключительность и неповторимость ума, души и является источником этого достоинства. Потому что воспроизвести каждого из нас невозможно. Можно выводить это понятие из разных религий, различных систем, но у меня на это нет времени. Я недавно видел такое очень любопытное обоснование в контексте Буддизма, это было очень интересно. Но давайте скажем, ссылаясь на религию, либо на философию, что это можно обосновать и утверждать, что у каждого человека есть человеческое достоинство.

И тогда из этого понятия мы выводим два основных для прав человека понятия: это понятие свободы и понятие равенства. То есть сначала у нас достоинство и свобода, потом равенство. Начну с понятия свободы. Как мы понимаем свободу в концепции прав человека? И тут же возникают трудности. Свобода – означает одно для европейца и совершенно другое для американца до сегодняшнего дня. Связанно это с одной ситуацией в Европе и с совершенно другой ситуацией на Американском континенте. В конце XVIII века, когда формировалась эта концепция прав личности, в Америке были прерии, на Запад ехали поселенцы, там было много золота. Достаточно было на прерии осесть и сказать: «Это моя земля, я буду здесь пасти быков, коров или заниматься земледелием на этой земле или буду мыть золото». И в определенный момент люди пришли к такой идее – надо создать государство. А для чего нужно было американцу тогда государство? Ну, государство нужно было ему по двум, или может быть даже трем причинам:

Во-первых, государство должно было защищать от внешнего врага, чтобы никто не пришел на эту землю и не нанес ущерб. Индейцев рассматривали, впрочем, как внешнего врага, то есть государство должно было создать армию - защитницу.

И вторая задача, которую ставили американцы перед государством, чтобы государство защищало их от внутреннего врага, то есть от бандитов, от воров. Государство должно было создать институт шерифа, который поймает этого вора, и судьи, который будет его судить и может быть повесит. И в принципе, ни для чего более государство американцу не было нужно. У него была земля свободная, прерии и каждое последующее вмешательство государства в его жизнь ограничивало бы лишь его возможности, сокращало шансы, которые перед ним стояли.

Отсюда и появляется американская концепция свободы от государства. Как можно меньше пусть будет государства в моей жизни. Государство... его роль защитить от внутреннего и от внешнего врага! И потом уже государство не имеет права вмешиваться в мою личную жизнь. Моя свобода – это свобода от государства. Впрочем, очень интересно и то, что в документах, в Декларации, Хартии независимости Соединенных Штатов, связанных с возникновением США, появляются такие записи - о стремлении к счастью. Свобода к стремлению к счастью. У американца есть свобода на то, чтобы стремиться к счастью, и государство не имеет права в это вмешиваться. Один станет более счастливым, второй менее, в зависимости от того, кому как удастся. Но вопрос стремления к счастью – это индивидуальное дело американца, и государство не имеет права вмешиваться.

В это же самое время в Европе положение выглядело совершенно по-другому. Тут нет таких территорий, нет рек золотonosных. Большинство людей работает не на своей земле. Они были под властью экономической, судебной магнатов... И люди думали: «Вот если бы Царь-батюшка знал, что со мной этот человек делает. Как он паршиво со мной обращается. То, наверное, пришла бы власть, взяла бы за шкуру этого человека, навела порядок, а мне дала свободу».

Так появляется идея свободы посредством государства. Задача государства – освободить меня от того, кто мне приносит ущерб, непосредственно ограничивает мои возможности. И появляется европейское мышление о свободе – свободе с помощью государства. И одновременно, в документах французской революции есть такие статьи о праве на счастье, не о свободе стремления к счастью, а о праве на счастье. Человек имеет право на счастье, а значит, обязанность государственной власти – работать так и действовать так, чтобы человек был счастливым. Потом, пару раз в истории бывало так, что были властелины, которые считали, что они знают, что сделать, чтобы люди были счастливыми и даже некоторые из них пытались это сделать, но всякий раз это заканчивалось трагически.

Да, такая попытка создать модель, когда человек сам будет стараться стать счастливым, и реализация этой модели, честно говоря, мне гораздо ближе: пример свободы стремления к счастью – все равно удастся мне или нет – лучше для меня, чем то, что Президент Квасневский, Лукашенко или Ельцин оформил бы мне мое счастье, придумал, когда

я буду счастливым, и создавал бы, таким образом, условия, чтобы я был счастливым. Знаете, я предпочитаю сам этим делом заняться. Это и есть два мышления о свободе – свобода от государства и свобода с помощью государства.

Свобода от государства более близка по мышлению в категориях прав человека, но это мы проследим в последующей части нашей беседы. А что касается понятия равенства, то вопрос еще более осложняется. В частности, если, например, Вы включите телевизор, сидя у себя дома, то увидите выступление различных политиков. И все эти политики, почти без исключения, будут говорить: «О-о, равенство - это хорошее дело... Да, мы поддерживаем равенство».

Тогда надо в карман этого политика «залезть» и посмотреть, какой у него партийный билет. Ведь в зависимости от этого, совершенно о разных вещах они могут говорить. Если в его кармане будет билет, ну, условно скажем, коммунистический билет или пост-коммунистический, то он (проследим его мышление), говоря, что выступает за равенство, будет иметь в виду такую огромных размеров даму, которая, появлялась на экране телевизора в середине 60-х, по крайней мере, в Польше и говорила: «У нас у всех одинаковые желудки, но если у всех у нас одинаковые желудки, то значит, каждый должен есть одно и то же. Нет лучших желудков и худших желудков, а если желудки равные, то будем все есть икру, или будем есть картошку, но все должны есть то же самое».

Это и есть концепция равенства условий жизни, такой популизм крайний, скажем, и это один из способов мышления о равенстве. То есть, все должны жить одинаково, не должно быть слишком больших различий в образе жизни отдельно взятых людей.

И если кто-то выступающий по телевизору говорит о равенстве, и он за равенство, и он социалист... я имею в виду европейский социализм, а не Союз Социалистических Республик, то имеет в виду равенство шансов.

Люди, вступая в жизнь, должны обладать равными шансами, а потом уж один будет много работать, будет талантливым, способным... и сделает карьеру, обогатится, а другой нет. Будет дифференциация, но давайте, разрешим её людям, мы согласимся с тем, что они живут на разных уровнях, и давайте, сделаем, чтобы их старт был одинаковым. Пусть эта дифференциация будет естественной. Мышление очень интересное, оно находит свое отражение в правах человека, особенно тогда, когда

мы говорим о правах меньшинств, в какой-то мере ущемленных, и когда мы говорим о социальных меньшинствах, национальных, этнических... у которых меньше шансов, и когда действия направлены на выравнивание шансов членов этих групп. Это появится позже в концепции прав человека, но надо помнить и о том, что слишком далеко не следует идти с мыслью о равенстве шансов.

В начале XX века, например социалисты, предлагали ликвидировать право на наследство. Они рассуждали так: если ваш отец был способный, трудолюбивый и нажил огромное состояние, а мой отец был ленивый и дурной, то почему вдруг вам легче вступать в жизнь? Может только потому, что у вас больше денег, а у меня нет? Давайте, ликвидируем право на наследство, тогда у всех будут сразу одинаковые шансы. И тут, видите, слишком далеко мы пошли с таким постулатом создания равенства шансов. Так что, в общем-то, это интересный момент, но надо очень осторожно подходить к тому, чтобы не преувеличивать, требуя равенства шансов.

И, наконец, если о равенстве говорит либерал, то он имеет ввиду, собственно говоря, четыре различных момента. Я попытаюсь эту тему либеральной концепции равенства развернуть чуть шире, чем делаю это обычно, и попытаюсь уточнить эти понятия. Обычно я ограничивался тем, что говорил, что это равенство прав и равенство перед правом. А в действительности, есть 4 понятия в концепции прав человека. Ну, как раз права человека – это концепция, не связанная с политическим либерализмом, но так получилось, что равенство примерно так же понимается либералами, как и правозащитниками. В концепции правозащитников есть четыре дефиниции равенства.

Первая дефиниция или первое понятие - это равенство в праве. Люди равны в праве, что это значит? Это стандарт, который направлен законодателю - запрет создавать иные права для крестьян, иные для помещиков, иные законы для евреев и так далее. Это просто необходимость создания единой правовой системы для всего общества. Не может быть, так, как в Европе, где создавались различные правовые системы для различных групп.

Второе определение, связанное с понятием равенства, и что тоже относится к правам человека – это запрет дискриминации. Дискриминация – это необоснованная рационально дифференциация прав и правомочий людей. Необоснованная, подчеркиваю!

Почему? Потому что, например, положение, которое бы гласило, что незрячий не может иметь водительских прав, не является дискриминирующим. Это рационально, потому что связано с биологическим обоснованием такой дифференциации. Но положение, где говорилось бы, что у блондинки не может быть водительских прав и у цыган не может быть водительских прав – было бы дискриминацией. Потому что нет здесь рационального обоснования, отсюда, когда мы говорим о дискриминации, то запрет дискриминации, это не запрет дифференциации прав людей. Людей можно по-разному рассматривать, но только тогда, когда имеется чрезвычайно сильное обоснование такой дифференциации.

Есть качества, особенности, учитывая которые можно сказать, что никакая дифференциация прав не должна иметь места, например, по вероисповеданию.

Я, честно говоря, не вижу ситуации, которая могла бы вызывать такое явление: чтобы православные или католики, мусульмане или буддисты имели совершенно разные права и правомочия в отношении с общественной или публичной властью.

Если кто-то является гражданином данной страны, то нет никаких поводов для того, чтобы кто-то, например, татарского, украинского, еврейского немецкого или польского происхождения, имел иные права, чем тот, кто совершенно другого происхождения. Тут очень легко определить, достаточно взять такие толстые книги с правовыми положениями, законами. Записать слово в компьютере – католик, буддист и посмотреть остановится компьютер или нет. Если остановится, включится звонок, тревожная сигнализация... есть ли такое положение? Нет. Точно нет такого положения, которое бы необоснованно дифференцировало. Давайте прочтем внимательно, может что-то забыли, может, есть что-то рационального в этом, но надо очень внимательно за этим следить.

Или, например, «мужчина» и «женщина». Записываем в кавычках на экране компьютера и проверяем по компьютеру, в каком положении, на какой статье компьютер остановится. Например, в моей стране на сегодняшний день есть куча положений, дискриминирующих женщину или мужчину. Постоянно. Есть даже такое положение, что девушка может выйти замуж в 18 лет, а молодой человек в 21 год. А почему такое различие, откуда оно взялось? Ну, если посмотрим на работу Сейма, на стенограммы заседания нашего Парламента, какие дискуссии вели

депутаты, то видно, что у армии были трудности с женатыми людьми, которые проходили службу в армии. Парня призывали в армию, жена оставалась дома с ребенком. Жена ходит на прогулки, но с каким-то другим молодым человеком, ага, что же делать? Ну, тогда, надо повесить возраст вступления в брак, чтобы ребята шли в армию холостыми...

Или пенсионное обеспечение дается у нас мужчине, достигшему 65 лет, а женщине в 60 лет. Но всем известно, что женщины не только мудрее и выносливее мужчин, но и живут дольше. И на старости лет они здоровее. Так что, если кто-нибудь захотел бы рационально дифференцировать, то дифференциация должна идти в другую сторону, в противоположную, а не наоборот. Совершенно не понимаю...

Кстати о ситуации безработицы, которая сейчас у нас наблюдается. Эффект таков, что выбрасывают на низкооплачиваемую пенсию в основном женщин, которые хотели бы работать. Мы вели дело одной дамы из Варшавы. Она была научным работником в варшавском научно-исследовательском институте, ей исполнилось 60 лет и ее, как собаку, выбросили из института, а она энергичная, быстрая, может отлично работать. Очень хорошо справляется с работой. А муж, он тоже работает в этом же институте, ему 64 года, но уже такой стал глупый, ничего не понимает, совершенно не годится для работы, он-то остался и работает. Видите, ситуация совершенно абсурдная. Мы пытаемся показать, что это форма дискриминации. В данном случае, пожалуй, дискриминация женщины, а при дифференциации по возрасту вступления в брак – мужчины. Но обоснование, чтобы армии было легче, это обоснование недостаточное, для того чтобы дифференцировать права людей.

Кстати, о целом ряде запретов, например, на выполнение определенных профессий женщинами, иногда совершенно абсурдных. Есть запреты в трудовых кодексах многих государств, впрочем, даже тех, из которых вы приехали. В Польше, например, длительное время было запрещено женщинам работать в полицейских подразделениях. В подразделениях, которые служат для разгона манифестаций, демонстрантов. Я помню несколько лет тому назад, когда начиналась война в Персидском заливе, я был в Осло, на конференции по правам человека. Тогда Норвежские левые проводили манифестацию у американского посольства под лозунгами, чтобы «эти проклятые американцы отцепились от этого отличнейшего человека Саддама Хусейна». Я пошел посмотреть, как всё это выглядит. Люблю такие авантюрные мероприятия, и увидел,

как конная полиция «работала», как шла на толпу демонстрантов... массивные лошади-великаны, с такими огромными шлемами в виде шара полицейские: мужчины и женщины поровну. Как мужчины били, аж слышно было... не было никакого... даже малейшего повода бить... А как дубасили женщины, били, здорово били, тоже слышно было ... и нет ничего странного в этом.

Спустя несколько лет положение изменилось в Польше. Проходила манифестация правых сил, политических правых сил в Варшаве. Они проводили демонстрацию, и власти поставили превентивные отряды, это что-то вроде ОМОНа, в таких огромных пуленепробиваемых одеждах. А напротив стояли блондинки, точно в таком же одеянии, с точно такими же дубинками. Демонстранты чувствовали себя совершенно униженными, были возмущены. Ведь это самое важное место, а тут женщины стоят, полицейские... Вообще смотрели на них... несерьезное отношение к ним было, к этим женщинам. Это было очень смешно, но не буду слишком много об этом. Думаю, что даже если бы положение, говорящее о том, что женщина, родившая ребенка, имеет право на декретный отпуск, было сформулировано так, что каждый, кто сможет родить ребенка, имеет право на декретный отпуск, то ничего страшного не случилось бы, а ситуация была бы явно более четкая чем тогда, когда вводится дифференциация в содержание такого положения.

Сейчас несколько слов о важном понятии для прав человека. В частности, понятии правового государства. Большинство конституций в ваших странах пишет, что у вас государство - демократическое и правовое. Что такое демократическое государство, мы примерно уже тут говорили. Ну, конечно, определений демократии более тысячи... Кажется, Сартори более тысячи таких понятий приводит. Но, в общем-то, это государство, где есть ограниченная власть большинства. Они ограничены правами и свободами отдельно взятых людей. А что же такое правовое государство? И опять таки – тут тоже масса дефиниций. Это понятие придумано немцами. Правовое государство – это государство, в котором люди могут с очень большой вероятностью предвидеть, какова будет реакция власти на их поведение.

То есть это такое государство, где правила игры между личностью и государством четкие, ясные, общеизвестны и стабильны, где я, глядя на то, что делает налоговый инспектор, полицейский, прокурор, министр в ответ на мое поведение, могу с большой вероятностью предвидеть,

какова будет их реакция. Где я знаю, играю ли я в футбол с властью, играю ли я в хоккей или в баскетбол с властью. Проиллюстрирую это. Может быть не совсем так было, но почти так было, как я сейчас скажу.

Представьте себе Индию во времена Ганди. В Индии действует монопольное право на солеварение: только у англичан есть право заниматься солеварением, а больше ни у кого. И однажды, на берегу океана засело 10 индусов и явно, не обращая ни на кого внимания, начинают солеварение. Приходит полицейский, хватая за уши и ведет в тюрьму. На следующий день, на берегу океана уже 100 индусов и тоже занимаются солеварением. Приходит полиция и опять их заталкивает за решетку. На четвертый день там сидит уже 10 000 индусов, а англичане отменили закон, отказавшись от монопольного права на солеварение. Почему? Да потому, что Англия, хотя и была паршивым государством в то время, однако она была правовым государством. В голове английского губернатора не могла и появиться мысль, что в четверг будут относиться к человеку иначе, чем относились в понедельник. Если в понедельник посадили в тюрьму, то и в четверг должны посадить в тюрьму, а в тюрьме уже нет места. Поэтому такой закон не может действовать, потому что нельзя его осуществить. А значит такое положение, которое нельзя выполнить, уже не может существовать, так что некуда посадить людей. И представьте себе такую сцену в государстве не правовом. Например, в коммунистическом государстве, как бы это выглядело? Если в первый день засело 10 человек, явилась бы полиция, всех дубинками избила, а потом, может быть, шестерых бросила в тюрьму, а четверых отпустила. И все бы думали, а почему их отпустили? Что они КГБэшники или они какие-то сотрудники – информаторы, и одновременно пять человек, которые вообще не занимались солеварением, еще дополнительно бы бросили за решетку. Таким образом, все бы думали: «Ага, если я буду заниматься солеварением, меня могут посадить, а если я не буду заниматься солеварением, меня тоже могут или посадить... или не посадить. Власть может со мной сделать что хочет, и в принципе, то, что я делаю, власти безразлично. Я и так нахожусь в руках власти, здесь нет четких правил игры, они отсутствуют. И если буду заниматься солеварением, то меня бросят в тюрьму, а если не буду, то тоже могут бросить в тюрьму». В результате все боятся – это суть коммунистического террора, потому что там не было правового государства.

Я знаю, что власть может сделать всё, что ей заблагорассудится, что я не в состоянии предвидеть, какова будет реакция власти. И без правового государства невозможно говорить о системе, которая будет защищать права человека. Правовое государство – это еще не все для соблюдения прав человека. Правовое государство может быть очень жестоким, могут быть положения, которые нарушают права человека, но если нет правопорядка, если нет даже такого правового государства, то уж точно и наверняка трудно будет построить... невозможно будет построить эффективную систему защиты прав человека. Это обязательное условие, хотя и недостаточное.

Впрочем, в Польше тоже были интересные решения Конституционного Суда и Главного Административного Суда, которые основывались на положении, гласящем о том, что такое правовое государство. До прошлого года (до 1997 г. – прим.) у нас действовала Конституция сталинского периода, и практически в ней были закреплены какие-то права человека. Правда, было право на отдых, еще дополнительно какие-то. Но основных гражданских и политических прав там не было. И в связи с этим Конституционный Суд обращался во многих случаях к тому, чтобы признавать то, что закон, который нарушает права человека, не может иметь силу в правовом государстве. И это правовое государство было своего рода ключом для вынесения решения. Это проходило по очень простым делам, например, несколько раз такую конструкцию применяли по отношению к изменению налогового права. Представьте себе такую ситуацию: кто-то собирает деньги, чтобы потом поехать в Германию и купить себе подержанный автомобиль. Вот молодой человек собирал, собирал деньги – собрал, поехал – купил. Приезжает, а на границе оказывается, что таможенные пошлины повысились на столько, что ему даже и невыгодно эту машину ввозить в Польшу, лучше ее бросить куда-нибудь, в канаву, или оставить где-нибудь. И Конституционный Суд выносит решение, что это положение нарушает принципы правового государства, что гражданин имеет право знать каковы правила игры. Да, государство имеет право изменять таможенные пошлины, но с довольно большим опережением, чтобы граждане могли приспособить свои новые жизненные планы к новым правилам. Государство должно сообщить заблаговременно, например, что через полгода будут повышены таможенные пошлины. А не так вот с сегодняшнего дня вдруг повышаются таможенные пошлины. Тогда нет четкой игры. Было вынесено решение Административного Суда тоже по

таможенным вопросам. И министр в интервью для печати сказал, что до конца года он не повысит таможенные пошлины на импорт оливкового масла, ну и бизнесмен закупил огромное количество оливкового масла, и вдруг после этого министр повысил таможенные пошлины. Суд признал, что такое решение нарушает правовые принципы. Потому что принципы такие – гражданин имеет право доверять государству. То есть, если министр говорил, давая интервью журналистам, что не повысит пошлины, то гражданин имеет право верить министру. И тот, кто поверил министру, не может в связи с этим нести потери. Значит, министр должен отказаться от повышения таможенных пошлин или сообщить, что спустя какое-то время будет повышение пошлин для того, чтобы люди могли приспособить свои интересы или интересы своего бизнеса. Иначе это нарушит принцип верховенства права.

Далее уже сжато, без иллюстраций перейдем к двум понятиям, которые появляются во время наших занятий – понятие неотъемлемых прав и понятие конституционализма.

Неотъемлемые права – этот термин применяется во Всеобщей декларации прав человека, и в Международных пактах ООН, и в Европейской Конвенции. Неотъемлемые права – это те права, от которых мы не можем отказаться, мы не можем сказать, что не желаем этих прав и не будем ими пользоваться. Есть решение Европейского Суда по правам человека, говорящее о том, что государство нарушало некоторые статьи Конвенции, не признавая принцип неотъемлемости прав. Например, неотъемлемое право на личную свободу. Если кто-то приходит в участок и просит, чтобы его посадили, было такое дело, и Европейский Суд его рассматривал, а власти, даже не занимаясь рассмотрением, было ли нарушение или нет, просто действительно посадят, потому что человек попросил. Можно в таком случае пожаловаться на это государство, ибо государство не имело права отказать ему в свободе и посадить этого человека по желанию.

Если вечером к одной из наших прекрасных женщин придет один из наших великолепных мужчин и скажет: “Мне надоела свобода, я хочу стать вашим рабом и готов подписать соответствующие обязательства”, - не верьте им, дорогие дамы. Они ведь прекрасно знают, эти мужики, что свобода от рабства – это неотъемлемое право, и что никакой суд потом не признает такую бумажку, в которой они говорят, что отдают себя в рабство. Так что по вечерам гоните негодяев... потому что неправда это.

И понятие конституционализма. Это то, что я называл ограниченной властью. Конституционализм - это концепция ограниченной власти. Конституция как документ описывает эти ограничения и права, само понятие конституционализма относится к ограничению власти. Об этом больше говорит профессор Виктор Осятыньский, у которого есть интересные идеи на эту тему. Он выводит конституционализм еще из Средневековья, утверждая, что начало применения испытания водой и огнем в уголовном процессе привело к возникновению конституционализма в эпоху Средневековья. До этого Король просто говорил: «Этого повесим, а этого нет». А сейчас уже испытание водой – утонет или нет (если не утонет, значит – колдунья), и тут уже Король отказывается от какой-то части своих полномочий. Хотя инструмент может и несовершенный, но это уже не произвол, это уже какой-то внешний тест, внешняя проба, которая дает возможность установить, что правильно, а что неправильно. Может быть, через сто лет люди будут смеяться и может быть, не поверят нам, что мы могли обвинять и осуждать на основании показателей свидетелей. Ведь известно, какова человеческая память, как свидетели, которые видели одно и то же происшествие, совершенно разные вещи в нем видели. И может быть по мере развития этой области, показания свидетелей будут казаться столь же абсурдным методом, каким нам сейчас кажется испытание водой.

В любом случае, принцип конституционализма – это принцип ограничения власти, и в этом плане можно считать конституционализм элементом защиты прав человека. Я собирался тут больше говорить о вопросе, который с правами человека не имеет столь тесной связи. Я хотел бы сказать кое-что о терпимости.

Терпимость, толерантность, как понятие в своей классической форме не относится к правам человека, потому что это понятие из области взаимоотношений между людьми, а не взаимоотношений человека и власти. Очень часто в наших странах это понятие не правильно понимается.

Я, например, недавно слышал по телевизору дискуссию, в которой весьма образованные участники спора, постоянно путали терпимость с всеобщей любовью. И говорили, что когда лежит пьяный на газоне, то надо проявить терпимость, во имя терпимости ему помочь. Но это, как вы понимаете, выходит за рамки терпимости. О терпимости можно говорить тогда, когда я вижу, что кто-то поступает не так, как я

бы хотел... потому что, когда кто-то себя ведет хорошо, то это уже не вопрос терпимости, а лишь вопрос моей симпатии к этому человеку. То есть терпимость к тому, что кто-то делает нечто, что мне не нравится, и я считаю, что у меня есть возможность повлиять на человека, изменить его поведение. Потому что трудно говорить, что рабочий в России был терпимым по отношению к царизму или к Сталину. Он просто ничего не мог сделать. А тут я должен понимать, что я могу что-то изменить, но, будучи терпимым, я должен понимать, что-то, что делает человек, его личное дело, его проблема, не моя. Я воздерживаюсь от действий, то есть признаю чье-то право поступать именно так, хотя мне это не нравится.

Я пережил такой очень интересный случай из области как раз относящейся к терпимости, когда впервые выехал на Запад. В Польше было время, когда все мы ходили в кепочках на голове, в плащах-болоньях, ходили с портфельчиками. Тут я очутился в Лондоне, где жил мой дядя. И мы пошли с ним на прогулку по городу, идем и проходим мимо дерева. Я смотрю, на дереве сидит негр и играет на трубе. Большой такой, черный - пречерный негр в разноцветных одеяниях и играет... А под деревом проходят лондонцы, одни ему улыбаются, другие не улыбаются, но никто не плюется, никто не зовет полицейского, чтобы этого психа снять с дерева. Сидит на дереве и играет, ну значит, ему это нравится. Это не ночью происходило, то есть никому он спать не мешал, играл хорошо, так что и любителям музыки это не мешало, ну так пускай играет.

И вдруг я себе представил, что он сидит на дереве у нас, в Варшаве, в Алма-Ате, Ташкенте или Москве. Какая была бы реакция прохожих, полиции? И это вы знаете, был очень интересный для меня случай, как раз из области терпимости.

А потом мы шли мимо моста. Это был такой период, когда в Англии была очень хорошая система социальной помощи, и каждый, по сути, кто только хотел, получал квартиру от муниципалитета, не было никаких трудностей с этим. И я даже сам был знаком с людьми, которые получили от городских властей квартиру, а под мостом жили бомжи. Такие коробки, в этих коробках располагались удобно «дамы» и «джентльмены», рядом с ними пустые или еще наполненные бутылки, а неподалеку прохаживался лондонский бобби. Он следил за тем, чтобы никто им не мешал отдыхать, потому что граждане лежат в коробочке,

выпивают, значит им это нравится. Значит надо позаботиться о том, чтобы никто им не мешал. И никто им не мешал.

И это был очередной важный для меня случай, очередное наблюдение, что в каждом обществе есть люди, которые избирают нестандартный стиль жизни. Польский дед, российский бродяга, французский клошар не всегда, потому что он вынужден, иногда именно потому, что выбрал такой стиль жизни.

К нам в фонд раз в неделю приходит бомж, который проживает на варшавском центральном вокзале. Просит, чтобы ему налили в большую бутылку чай, запирается у нас в ванной, моется, потом наши девушки отмывают эту ванну. Приходит раз в неделю, потому что понимает, что три раза в неделю мы его, может быть, и не встречали бы так радушно. А раз в неделю как-нибудь выдержим. И мы от него узнали, что у него есть приличная квартира, правда, в 100 км от Варшавы. Но ему там не нравится, он там одинокий и квартира ему не нравится. А на скамейке на вокзале хорошо и товарищи есть. И это тот стиль жизни, который ему нравится.

А потом я работал в России, в СССР, несколько лет я там проработал. Тогда было известное дело бичей. БИЧ – это Бывший Интеллигентный Человек, имелись в виду люди, которым осточертела советская жизнь, и они уходили в тайгу. И там жили в каких-то землянках, шалашах, собирали грибы, ягоды. И жили и совершенно были бесполезными для государства. Поэтому их отлавливали при помощи вертолетов и потом... на перевоспитание их куда-то отправляли, потому что ну как же это возможно, чтобы гражданин так бесполезно проживал свою жизнь. Обязанность гражданина – работать на благо Родины, и это был очередной важный случай, иллюстрирующий терпимость.

Я думаю, что все идеологические системы - государственные идеологические системы, коммунизм, какой-нибудь религиозный фундаментализм, там, где есть какая-то верховенствующая идея, всегда создают модель идеального и добропорядочного гражданина и пытаются внедрять эту модель. То есть пытаются произвести такого стандартного гражданина, отвечающего требованиям этой идеальной модели, модели, созданной властями.

Я помню такую борьбу со стилями, как их постоянно стригли, или же, как девушкам не разрешали носить разноцветные чулки, потому что власти совершенно по-иному представляли себе идеальную девушку. Ей

не полагалось ходить ни в брюках, ни в разноцветных чулках, парням положено было носить короткую стрижку. И государство вмешивалось в дела, которые совершенно не имеют к нему никакого отношения.

А в экстремальном случае получается, что общество ходит в форме, например, как в Китае много лет тому назад или же в Северной Корее, которая устраивает физкультурные парады - изображает цветы или же размахивает флажками, из которых складывается имя Великого Вождя. Вот это и отвечает их идеальной модели. Итак, права человека, то есть права каждого, отдельного, неповторимого, исключительного человека идут полностью вразрез с концепцией государства, в котором все граждане ходят в форме и все стандартны, отвечают тому образцу, который был придуман властями.

Впрочем, я помню, как Брежнев говорил, что уже есть советский человек, помню, как Иосиф Тито говорил, что уже есть югославский человек. Мы видим сегодня, как он заблуждался, мы видим, что сегодня происходит в бывшем СССР, в бывшей Югославии, как эти попытки создать нового человека, отвечающего государственной концепции, оказываются малоэффективными.

Всё, о чем я говорил и о чем я еще продолжу, это так называемые материальные права человека. Мы говорили о достоинстве, свободе, равенстве, потом из них мы выводим все своды прав – право на свободу, право на жизнь и все другие права, которые существуют во имя того, чтобы защищать человеческое достоинство.

Большинство прав и свобод человека – это ограниченные права и свободы. И то, что действительно тут интересно, это изучение границ прав и свобод, где кончается это право, где граница свободы, что делать в случае конфликта или столкновения нескольких ценностей, как решать такие вопросы, как разрешать конфликты, какая свобода или какое право тут важнее. В принципе считается, что неограниченны только свобода от пыток и свобода от рабства. Есть мнение, что нет такой ситуации, и не может быть такой ситуации, которая обосновывала бы применение пыток по отношению к людям или обращение людей в рабство. Все другие права и свободы являются ограниченными правами и свободами.

Но, скажем честно об этих двух свободах: что касается рабства - все ясно, а о второй? Я недавно читал и был потрясен. В рамках организации нашей Школы умений практической общественной деятельности,

я читал учебники для офицеров спецслужб из разных стран и, в частности, прочел, как они должны вести допрос, какими методами пользоваться. А учебник был составлен для офицеров спецслужб Великобритании. Но, несомненно, огромные куски полностью шли вразрез с правом на то, чтобы не применялись пытки по отношению к человеку, я был потрясен. А с другой стороны, автор учебника пишет: «Представьте себе ситуацию: где-то в метро бомба и взрыв произойдет через час, но не известно, на какой станции метро эта бомба, а в течение часа тебе надо это выяснить».

Я занимаюсь защитой прав человека и даже в такой ситуации буду противником применения пыток. Понимаю, тем не менее, и определенные недостатки защиты прав человека. И как раз сейчас в теории прав человека начинается дискуссия относительно того, насколько терроризм, рост терроризма может отразиться на методах, которые до сих пор мы считали недостойными в борьбе с преступностью. Не будет ли тут каких-либо сдвигов в XXI веке? Сейчас мы знаем, нельзя применять пытки, но может быть через 10 или 20 лет эта свобода от пыток, которую ныне мы считаем абсолютной, будет ограничена, так как и многие другие свободы. Посмотрим.

Во всяком случае, интересно заниматься именно этими более сложными ситуациями, потому что просто прочесть весь перечень прав – это скучное дело. Например, возьму какое-нибудь право, право на жизнь или свободу слова. Сколько вопросов вызывают эти, на первый взгляд, простейшие права.

Ну, вот право на жизнь. В самом начале возникает вопрос, надо ли это назвать правом на жизнь или свободой жизни. То есть право на жизнь в буквальном понимании, означает, что власть обязана гарантировать мне бессмертность. Но тут я преувеличиваю, дело конечно не в этом, а свобода жизни означает, что меня нельзя убить, власти не имеют права. И, наверное, власти не имеют права убивать людей, имеется в виду свобода жизни. Значит, власти не могут. А сам я могу себя убить или нет?

Еще совсем недавно в Великобритании существовал закон, на основании которого наказывались попытки совершить самоубийство. И самоубийцы тоже наказывались. И было два объяснения - элегантное и не элегантное. Элегантное говорило о том, что положение было введено где-то в XIV или XV веке, потому что законодатель считал, что жизнь – это ценность, тут уже действительно все равно, покушается ли человек

на другого человека или на себя. Ценится жизнь, и поэтому каждое покушение надо пресекать.

А менее элегантное объяснение и, пожалуй, оно правдиво, такое, что гражданин – собственность британской королевы. И если он себя убивает, то королева становится беднее, то есть это проступок против государства. В пользу этого, второго толкования говорят и дополнительные положения, а именно то, что собственность самоубийцы переходит в государственную казну. Если человек совершил самоубийство, то никто не наследует его имущество, а оно принадлежит казне. Это привело к тому, что родственники стали заботиться о своих хрупких подопечных, не совсем уравновешенных, потому что если бы те совершили самоубийство, то наследники лишились бы наследства. И эти положения, хотя и не применялись в последние годы, то еще чуть более 10 лет назад действовали в Великобритании.

Самоубийство (суицид) и право на жизнь – это уже очередная проблема. Большинство систем уголовного права наказывает за помощь в осуществлении самоубийства, однако и здесь мы наблюдаем огромное различие между государствами с похожими правовыми системами, как, например, Германия и Швейцария. В этих странах были ассоциации общества, члены которых отправлялись в больницы к пациентам, страдающим, умирающим, приносили яд и говорили: «Ну вот, уважаемый господин, здесь есть красная таблетка, если Вы ее сейчас примете, то умрете. Если хотите, то я Вам оставлю ее у Вашей тумбочки, почувствуете необходимость, пожалуйста, воспользуйтесь». И в одном из этих государств, глава такой ассоциации был на 4 года посажен в тюрьму. В другой стране эта организация вдруг получила государственную (правительственную) дотацию, потому что государство полагает, что это очень полезное действие, что это очень благородное действие. Здесь нет четкого европейского стандарта, что хорошо, а что плохо. Все эти истории, например связанные с доктором Карвакяном в США, который построил «машину», дающую возможность совершить безболезненное самоубийство. И эту «машину» он предоставляет умирающим в больницах, которые сами хотят сократить свои страдания. Карвакяна несколько раз привлекали по уголовному делу, уже даже более десятка раз.

Я не хочу сказать, что его следует наказать, я не знаю, но американская система правосудия с этой проблемой не может справиться. Следствие

выносит обвинение, суды говорят, что не виновен, следуют новые аргументы, суды опять говорят, что не виновен.

Итак, мы видим, что американская система правосудия не в состоянии с этим справиться. Правильно ли поступает Карвакян, нарушает ли американские законы или нет? Если мы уж сейчас находимся в Америке, то можем вспомнить, как в американских судах велось дело по спорам относительно свободы вероисповедания и запрета на употребление наркотиков. Действовала такая религиозная секта в США, которая по ритуальным соображениям принимала небольшое количество слабых наркотиков. Ну, на католической мессе обычно дают вино, а эти принимают наркотики. Но в системе американского права наказуемо то, что человек имеет некоторое количество наркотиков, и тут появилась проблема: что более важно, свобода вероисповедания или уголовное положение, запрещающее иметь наркотики.

Шесть или семь лет тому назад дело рассматривалось Верховным Судом США, который вынес решение, что в данном случае действует уголовное право и этих людей надо за решетку. В прошлом году вновь это дело появилось в Верховном Суде и на сей раз, основываясь на конституционном положении о свободе вероисповедания, Суд вынес противоположное решение – не может быть речи, о какой бы то ни было наказуемости в данном вопросе. Это вопрос, конечно, относится к правам человека, но я должен был говорить о праве на жизнь. А можно ли запретить людям самим себе вред приносить?

Я принимал участие в работе по созданию закона о психиатрии в Польше, и тогда появилась проблема: когда, вопреки воле человека, его можно лишить свободы? Когда можно поместить в больницу? И первый вариант был такой: тогда можно поместить его в больницу, если он несет угрозу своей жизни или своему здоровью или угрозу другой жизни и другому человеку. Я аргументировал так: если даже у него есть психические расстройства, то он имеет право сам себе навредить, но если он опасен для других, ну тогда его действительно следует изолировать, потому что надо защищать других граждан от опасности со стороны именно такого человека. Если он опасен для себя, для своей жизни и здоровья, то это недостаточная предпосылка, чтобы лишить его свободы...

Эффект был такой: мне удалось пробить половину моей идеи, причем для меня это было очень важно, и нынешний польский

закон гласит, что можно лишить свободы человека, который создает угрозу чужой жизни или своей жизни. А вот своему здоровью - это уже не обязательно. Что, впрочем, находит отражение в практических ситуациях. Недавно в доме, где живут мои друзья, в соседней квартире жила такая пожилая женщина, старушка. И вдруг у нее инсульт, она жила одна, упала, лежала в коридоре, ее парализовало. Но она была в полном сознании, разговаривала через дверь с соседями, и решила умереть. Эта старушка пришла к выводу, что она парализована, ничто ей уже не поможет, ей уже определенное количество лет и она здесь, лежа в этом коридоре, умрет и все будет в порядке. И тут появилась проблема, можно ли вопреки воле старушки войти, отвезти ее в больницу? Но она не хочет этого, она хочет умереть. Соседи позвали психиатра, может быть она не совсем в уме, психиатры поговорили со старушкой и сказали, что нет никаких оснований полагать, что у нее психическое расстройство, она просто решила умереть. Это вопрос определенно из области права на жизнь.

И честно говоря, есть вопрос: можно ли использовать здесь меры принуждения и спасти жизнь того, кто хотел умереть? Европейский стандарт таков – я захожу в больницу, в палату и вижу, что кто-то висит, я беру все-таки нож, отрезаю шнур и начинаю делать массаж сердца и так далее. Но если кто-то в пятый раз пытается повеситься, то я не знаю, что делать. Наверное, этот вопрос из сферы права на жизнь.

Еще один вопрос из области права на жизнь: Если кому-то искусственным образом, при помощи аппаратуры пытаются сохранить жизнь, то кто и в какой момент может выдернуть из розетки шнур этой аппаратуры и лишить человека жизни? Когда говорим с врачами, то они разделяются на две группы. Одна группа говорит, что это очень трудное и сложное решение, и никакое правовое положение здесь не может возникнуть. А другие говорят, что они будут плохо спать, если лишат тока такую аппаратуру, и если бы существовало положение, что это, то или другое дает им право из розетки вытащить штепсель, то тогда они спокойно бы спали, потому что исчерпали все возможности. У нас, в Польше нет такого положения.

Давайте пойдем еще дальше. В каждой стране мира, независимо от того, человек бедный или богатый, есть некоторые способы спасения человеческой жизни. Есть такие операции, которых по техническим причинам всего можно сделать 10 или 20 в год, просто больше нет

возможностей. А людей, которым можно было бы спасти жизнь, пользуясь такой техникой, может быть, тысячи, может быть десятки тысяч. Это более сложные, более тонкие операции в Дании или Швеции, это какие-то другие операции в африканских странах, но такая проблема возникает всюду, и опять-таки каковы же критерии, чью жизнь мы будем спасать? Будем ли мы спасать жизнь молодых или образованных, или тех, у которых много детей, или тех, кто заслужил перед лицом Отчизны? Ну, одним словом может какие-нибудь другие критерии. Можно очень много таких примеров привести. Так какими же критериями воспользуемся при отборе – кто будет жить, а кому умереть? Можно, конечно, в песок голову спрятать и никаких положений не придумывать. Но тогда будут спасать жизнь богатых, потому что мир не любит вакуума и естественным образом будет задействован такой канал, что очередь будет по толщине конкретного кошелька. Это тоже критерий, может не очень плохой, но я совсем не уверен, что самый хороший. И просто я не имею понятия и не знаю, как такого рода положение следует построить. Наверняка, эта проблема связана с правами человека и наверняка, эта проблема связана с правом на жизнь.

Или, например, обязательная воинская повинность, тоже связана с правом на жизнь. Политики поссорились, скажем, дают мне ружье и говорят: «Иди на войну, убивай врагов, может тебя убьют, но мы не можем договориться»... Так говорят политики. Очень интересное решение было принято в Швейцарии, потому что защита Родины – это, с одной стороны обязанность гражданина, а швейцарцы так решили, что, если... Да, еще добавлю, что Швейцария – это одна из наиболее милитаризованных стран в Европе – это для тех, кто, может быть, об этом не знает. Там постоянно проходят какие-то военные учения, дома хранится мундир, оружие. Каждый швейцарец в любую минуту готов защищать свою родину. Поэтому Гитлеру и невыгодно было идти в Швейцарию, те были до зубов вооружены, подготовлены, да и маленькая страна, стоит ли? Так думал Гитлер...

В Польше это было сделано так: если кто-то полагает, что воинская служба противоречит его совести, то говорит об этом на призывной комиссии и комиссия должна признать, противоречит ли это его совести, дает ему право на альтернативную службу или говорит - нет, не противоречит совести, он все только придумывает. Но это абсурд, потому что даже судья не выносит решений о совести, он выносит решение о деяниях, совершенных людьми, а о совести не в состоянии вынести

решение. Так что же ожидать от такого чиновника низового уровня, ведь даже если бы он хотел, он не в состоянии честно и объективно дать оценку человеческой совести. Лжет ли человек или его слова действительно правдивы. У меня есть целая папка идиотских писем из военкоматов, которые звучат так: было обнаружено, что этот человек католической веры, а поскольку Ватикан не запрещает служить в армии, то он обязан служить. Так что, если католическая церковь не запрещает, то, как будто из того вытекает новая моральная, нравственная норма, которая ему разрешает пойти на войну и убивать.

Швейцарцы справились так с этим делом: если кто-то говорит, что служба в армии противоречит его совести, то он имеет право на альтернативную службу. Он идет и в течение года или двух, например, работает в больнице или очень часто в правозащитных организациях. Например, в Норвежском Хельсинкском Комитете все секретарши и обслуживающий персонал – это все молодые люди, которые отказались от воинской повинности и пребывают на альтернативной службе, работая в таких организациях. А потом этот же швейцарец до конца жизни будет платить на полтора процента больше подоходный налог, потому что государство исходит из такой предпосылки: все мы обязаны быть на защите нашего государства, а ты не хочешь брать оружие в руки, говоришь, что это противоречит твоей совести. Хорошо, но мы должны кого-то другого нанять или приобрести более мощное оружие, чтобы защитить государство, в таком случае – плати за то, чтобы могли довооружить армию или взять на службу профессионального военного вместо тебя.

И вы знаете, это довольно разумно, продумано, ведь этот процент не такой уж большой, полтора процента каждый в состоянии будет заплатить, если действительно служба в армии противоречит его совести. Если бы это была огромная сумма, то богатый бы откупился, а бедный не смог. А так все в порядке, и каждый может выбрать, что ему более по душе: заплатить налог или отслужить в армии. Правда это происходит в несколько иной культуре, чем в большинстве государств Центральной и Восточной Европы. У нас совершенно исчезло понятие гордости, достоинства быть солдатом, чести проходить военную службу. Эти несколько десятков лет коммунизма оказали такое влияние, что военная служба считается чем-то недостойным и так не бывает, что офицер присутствует в салонах и что солдат в мундире, а за ним толпа девушек...

И тот, кто отказывается служить в армии, у нас – это вполне нормальный, интеллигентный и здоровый человек, а в армию идут неудачники, которые не смогли как-то оформить себе освобождение от армии. В Швейцарии это выглядит по-другому, там ты можешь не пойти служить в армию, а потом девушки смотрят на такого клиента и говорят: «О, Боже, какой-то он странный, почему это он не пошел в армию, наверное, с ним не все в порядке, и ему тогда уже жить будет не особенно комфортно. Конечно, в банк его примут. Но вот директором банка он точно не станет, потому что кто-то на заседании наблюдательного совета или совета директоров скажет: ну да, хорошо, все в порядке, но почему он не хотел служить в армии?»

И общественное давление будет таково, что обязанностью каждого нормального, здорового человека будет служить в армии и быть готовым к защите отчизны. А если он этого не делает, значит, что-то с ним не все в порядке.

Я может быть, слишком далеко отошел, я должен был говорить обо всем, что связано с правом на жизнь. Ну, давайте обратимся к вопросам, связанным с обязательствами. Вот академический пример: необходимость защиты, воры в банке стащили мешок с долларами и убегают с этим мешком, можно ли в них стрелять или нельзя стрелять? Ну, конечно же, если мы будем стрелять сначала в воздух, потом в ухо, потом в ногу... но это все чепуха. Если разрешено пользоваться оружием, то значит, можно убить. А если он бросил свой мешок и убегает уже без мешка, то можно ли стрелять в этом случае, или уже нет? А если это мешок не с долларами, а, например, яблоко, которое сорвал мальчик в саду? Можно ли стрелять или нельзя стрелять в этого паренька? Если ответ таков, что в вора с мешком долларов можно стрелять, а в мальчика нет, то значит, есть какая-то цена, рассчитанная в долларах. Так вот, начиная с какой суммы долларов можно убить? Ну, я не знаю, таких примеров масса, мы можем провести вечерний семинар относительно преследования с использованием оружия, пределы, границы необходимой обороны, связанные с правом на жизнь и так далее. Когда и какие средства могут быть применены к преступникам?

Франция несколько лет назад ввела очень интересную конструкцию, я имею в виду защиту, которая должна быть обязательно предпринята. Польша тоже приняла такое положение, не знаю хорошее или не хорошее, но интересное.

Обычно в таких ситуациях говорят, что если кто-то создает угрозу имуществу, жизни или здоровью людей, то мы можем защищаться, применяя пропорциональные угрозе средства защиты. Если пожилая женщина начнет бить зонтиком молодого сильного человека, то он не настолько находится под угрозой, чтобы вынуть пистолет и ее убить, а если убьет, значит превысит границы необходимой ему защиты. Средства должны быть пропорциональными.

Французы ввели положение, говорящее, что в некоторых ситуациях появляется непреодолимый страх, с которым трудно справиться, и утверждают, что если кто-то находится у себя дома ночью и вдруг... преступник вошел в комнату, где хозяин спит... хозяин имеет право так бояться, что может сделать все. От человека, которого только что разбудили, нельзя требовать, чтобы он объективно и с хладнокровием оценил, какова же тут угроза, и применил средство, пропорциональное этой угрозе.

Подумайте, сколько таких несовершеннолетних преступников или людей, которые просто перепутали адрес, будет убито, а человек, который убил, будет сочтен невиновным? В США известны 2 таких нашумевших процесса, где, при далеко превышенной необходимой защите были убиты люди, которые просто ошиблись адресом... Они шли к знакомым, а там, знаете, домики похожи... так вот они приходят, а знакомого нет. Так я перепрыгну через забор, решил один, и хоть записку ему оставлю, что, мол, был, собирался навестить... и вдруг стреляют и убивают человека, у которого не было никаких плохих намерений.

Это вопросы тоже связанные с правом на жизнь. Как в этой плоскости будут работать разные положения, относящиеся к уголовному праву? Конечно, тему можно было бы продолжить, но, к сожалению времени уже нет. Смертная казнь и весь спор вокруг смертной казни и право на жизнь, аборт – эти вопросы, который широко обсуждались в Польше, в США. Как совмещать аборт с правом на жизнь? Или проблема, с которой сейчас вынужден работать Совет Европы - Конвенция о защите человеческого эмбриона, ведь трудно сформулировать такого рода конвенцию. Все это ситуации, которые, несомненно, связаны с правом на жизнь, а вот как решать эти проблемы - это уже особый вопрос. И я уже не буду продолжать, я хотел лишь вам показать, что даже с самыми простейшими правами человека связаны безумно интересные вопросы. Вопросов очень много, и мы часто просто не знаем, что правильно, а что неправильно.

Мы сейчас уже можем ответить на некоторые вопросы, на которые 20 или 30 лет назад ответов не было. Не было понятно, что хорошо, что плохо, что отвечает правам человека, а что нет... И вот на некоторые вопросы мы уже в состоянии ответить, на целый ряд – нет, я это уже показал. Но в то же время развитие науки и техники связано с возникновением новых вопросов и мы не в состоянии ответить на эти новые вопросы. Вся концепция прав человека постоянно развивается, это же не закрытый свод, не закрытый перечень... так что есть о чем говорить, и нам надолго хватит тем для разговора, проблема постоянно присутствует. Точно также как и нарушение прав человека, ведь нет такой страны, в которой не нарушались бы права человека и, наверное, никогда и не будет такой страны.

В каждой стране дела обстоят так, что даже если власти хотели бы сделать все как можно лучше, власти благородные... но власти всегда намечают какие-то цели и пытаются эти цели осуществить. Часто пытаются идти побыстрее, а тут кого-то сомнут, будут попираť человеческое достоинство... Они же торопятся, им же нужен результат. Именно поэтому нужны организации, занимающиеся правами человека, чтобы топнуть и сказать: «Эй, так нельзя поступать». В США есть несколько тысяч правозащитных организаций, они специализируются по разным правам. В Западной Европе их несколько десятков или сто с чем-то в каждой стране, а в Китае или Северной Корее ни одной. И это отнюдь не свидетельствует о том, что в Штатах куда больше нарушений прав человека, чем в других странах мира вместе взятых. А там общество научилось защищать свои права и именно эта защита от власти всегда будет нужна, даже если власть у нас очень хорошая. Власть осуществляют те политики, которых мы сами выбирали.

У нас, например, в фирме был такой очень неприятный период, к счастью мы сумели справиться. Наши друзья, с которыми мы в подполье работали, позже выбрали политическую стезю и вдруг, получив власть в свои руки, стали нарушать права бывших коммунистов. И мы оказались в весьма неудобном положении, но как-то мы разобрались, что нам делать.

Мы пришли к выводу, что если мы занимаемся правами человека, то нам совершенно наплевать, кто у власти. И если наши друзья нарушают права нашего общего врага, то мы обязаны выступить против наших друзей и защищать тех людей, чьи права власть нарушает, если мы

действительно серьезно относимся к правам человека. Тогда мы сдали экзамен, а вообще я думаю, что это очень важно. Со временем ситуация в Польше определилась и, мы как организация играем в Польше большую роль, и действительно влияем на то, что происходит. Это не решающее воздействие, но конечно мы воздействуем на то, что связано с правами человека. И произошло это в огромной степени тогда, когда политики поняли, что благодаря тому, что мы существуем и мы сильные – в этом гарантия их безопасности. Что сегодня власть у них, а мы неудобные, чего-то требуем, протестуем... но лучше серьезно к нам относиться, потому что через два года уже не у них будет власть, а те, кто придет после них, если захотят с ними расправиться, то мы, как сильная организация, можем их защитить.

И в некотором смысле мы, своего рода, гарантия безопасности для проигравших выборы; гарантия того, что новые власти не слишком их обидят. С другой стороны, есть и понимание того, что мы к власти не стремимся. И это придает силу организации, то есть политики считаются с тем, что мы говорим... Так что серьезное отношение к правам человека важно.

А теперь несколько слов об обязанностях. Я занимаюсь правами и свободами человека, а не обязанностями человека или же обязанностями гражданина, но одной из типичных ошибок, которые совершаются как в европейских школах, так и в Конституциях – это совмещение прав и обязанностей. В Конституции – это обычно в одной главе – права и обязанности гражданина или человека. В школах документы типа права и обязанности учащихся. И потом недоучившиеся люди считают, что если, мол, ты будешь выполнять свои обязанности, то будут у тебя права, а если нет, то нет, потому что это вещи, связанные друг с другом.

Но это полнейший абсурд, мои и права и свободы вытекают из того, что я человек, то есть обладаю человеческим достоинством. Обязанности гражданина действительно есть, и если я не буду их выполнять, то меня можно наказать. Но дело не обстоит так, что лишь только тогда, когда я выполню свои обязанности, я получу свободу слова или совести, а если, например, не плачу налоги, то нет у меня свободы вероисповедания или же права на частную жизнь. Это вещи разные и надо их четко различать. А обязанности гражданина: их всего лишь четыре. И можно их легко перечислить и запомнить.

Первая обязанность гражданина – платить налоги. Ведь дело не обстоит так, что господин президент со своими министрами зарабатывают деньги на армию, на суды и на тюрьмы... Это нам надо заработать деньги и им дать, чтобы государство могло содержать армию, поэтому моя обязанность как гражданина – отдать часть заработанных мною денег на то, чтобы государство могло функционировать, это представляется совершенно очевидным.

Вторая обязанность – это защита родины. Если это мое государство, большинство из нас уже живет в таких странах, где прошли свободные выборы, можно сказать, нравится мне эта власть или нет, ну и в большинстве стран власть была избрана демократическим путем, во всяком случае, в большинстве стран, из которых вы приехали, власть выбрана честным путем. Так вот, коль скоро это мое государство и враг нападает на мое государство, моя обязанность как гражданина защищать. И необязательно это означает, что есть всеобщая воинская повинность или нечто другое, решать это можно по-разному. Я же обязан способствовать защите, а как технически – это уже особый вопрос.

Третья обязанность гражданина более сложная, часто и ошибочно говорят об обязанности соблюдения законов, но нет такой обязанности. Нет обязанности гражданина – соблюдать все законы. Что впрочем, прекрасно было видно во время Нюрнбергского процесса, токийского процесса, что покажет Международный суд, созданный недавно ООН. Люди, которые соблюдают безнравственные, плохие законы, оказываются безнравственными, их можно за это наказывать. То есть, нет общей обязанности соблюдения всех законов. С концепцией прав человека связана очень тесно концепция гражданского неповиновения и борьбы без применения насилия. Впрочем, посмотрите сами, что происходит в Центральной Европе, герои оппозиции в Ваших странах. В моей стране – это Яцек Куронь, Адам Михник, Лех Валенса или же я маленький.

Я нарушал законы Польской Народной Республики, и вовсе не считал себя плохим гражданином, даже наоборот, считал себя хорошим гражданином, а как хороший гражданин я обязан нарушать эти законы. Если кто-то печатался в подполье, то не бежал сразу к прокурору, чтобы ему сообщить: я совершил преступление, господин прокурор, сажайте меня. И нельзя сказать, что человек был плохим гражданином, нет, он был очень хорошим. А в истории известны такие случаи, когда

необходимо было нарушать законы, то есть, нет общей обязанности - соблюдать все законы.

Я тут говорил о гражданском неповиновении, потому что когда мы говорим вообще о правах человека, то мы исходим из предпосылки, что мы живем в своем государстве. Если я живу в своем государстве и осознаю, что власть в нем основывается на насилии, тогда я имею право нарушать законы, но не скрываться от системы правосудия. То есть когда я нарушал законы ПНР, я не бежал сразу к прокурору, а сейчас дело обстоит по-другому.

Это мое государство и даже если состав парламента мне не нравится или президент мне не нравится, но государство - то мое и я вижу, что есть какой-то закон или положение закона, которое я считаю вредным и безнравственным. То поступить я могу следующим образом: могу демонстративно, явно нарушать этот закон и буду готов понести наказание. Когда это было чужое государство – я прятался, а тут не буду прятаться, прямо скажу, что я нарушаю закон, потому что не соглашаюсь с ним и готов принять наказание.

Так действовал Ганди, так действовал Мартин Лютер Кинг, который столько этих американских законов нарушил и отсидел потом. А коль скоро я сажусь в тюрьму, то тогда другие люди начинают думать, что если он дал себя посадить, то может действительно это важно, может, действительно тут есть какая-то проблема и начинают меня поддерживать, то есть движение расширяется. Каждое нарушение закона, конечно же, надо совершать во имя общественных, а не личных интересов. Нельзя ссылаться во имя личных интересов на принцип гражданского неповиновения, если человек совершает, например, уголовные преступления. А я как гражданин, заботящийся о своем государстве, могу нарушить закон, хотя меня накажут, но я готов к наказанию. Это суть борьбы без применения насилия в своем государстве.

А третья обязанность гражданина – это принять наказание, которое определено судом. Я должен согласиться с тем, что предстану перед судом, и если суд вынесет решение о наказании, то я должен быть готов его выполнить. Я сознательно нарушил закон и должен понести наказание. То есть платить налоги, защищать родину, согласиться с решением суда...

И последняя... четвертая обязанность – свергнуть власть, если эта власть перестает служить гражданам данного государства и начинает заботиться о собственных интересах. Опять же обязанность хорошего гражданина государства – свергнуть такую власть. И тут-то моральный, нравственный императив – свергнуть такую власть, вы видите в преамбуле к Декларации независимости Соединенных Штатов. Если правительство... не буду цитировать. Есть это и во Французской Декларации прав человека и гражданина, там я помню буквально формулировку, если правительство нарушило права народа, то святая и неотъемлемая обязанность народа – восстание. В Декларации независимости США говорится как-то так: «Если правительство перестанет служить интересам людей, обязанность людей – свергнуть это правительство и образовать новое правительство, которое будет служить гражданам нашей страны».

Следует действовать, однако продуманно, для того, чтобы правительства не свергались во имя незначительных интересов. И вот четыре обязанности и ни шага дальше. Конечно, есть еще мои обязанности как человека, обязанности по отношению к людям, которых я люблю, к моим близким, родственникам, соседям, вытекающие из того, что мы живем в группе. Но я здесь говорил о взаимоотношениях между человеком и государством. И что касается моих отношений с моим государством, то есть только эти четыре обязанности. Но конечно надо еще позаботиться о детях, и поздороваться с соседом.

Я бы хотел вернуться к вопросам, связанным с равенством. Когда мы говорим о равенстве, то первое понятие – это равенство в праве. Равенство в праве появляется во Французской декларации прав гражданина и человека, это запрет создания разных законов для разных общественных групп или сословий. Например, одни законы для крестьян, а другие для дворянства. У всех одни и те же законы – это равенство в праве.

Второе понятие – это равенство перед правом, означает, что каждый человек должен точно так же рассматриваться должностными лицами, судьями независимо от того, богатый он, или бедный, известный или неизвестный. Когда он сталкивается с должностными лицами или властями, отношение к нему должно быть одинаковым.

Третье понятие – это запрет дискриминации. То есть запрет необоснованной дифференциации прав людей. И, например, в

польской конституции есть соответствующая статья: «Никто не может подвергаться дискриминации в общественной, экономической и политической жизни». Обратите внимание, запрет дискриминации здесь ограничен, он охватывает только три области жизни, и конституция моей страны не исключает дискриминацию в других областях жизни. Тут только три области: политическая, общественная и экономическая.

Четвертое, последнее понятие, которое следует иметь в виду, когда мы говорим о равенстве - это равенство прав. Равенство прав различных групп. И опять же в Конституции Польши есть положение: мужчины и женщины обладают равными правами в политической, общественной, экономической и семейной жизни. Обратите внимание, что запрет дискриминации в польской Конституции охватывал три области, а равенство прав мужчин и женщин охватывает уже четыре области, и сюда еще входит семейная жизнь.

Равенство прав – это постулат или даже требование, которое идет дальше, чем запрет дискриминации. Запрет дискриминации говорит о том, что нельзя применять дифференциацию прав, если нет рационального обоснования. А что касается равенства прав, то это означает, что нет причины, которая могла бы обосновывать какую-либо дифференциацию. То есть если бы было положение, что у мужчин и женщин равные права, то это куда сильнее, чем положение, говорящее о запрете дискриминации по половому принципу. Потому что запрет дискриминации говорит о том, что если будет обоснованная причина, то можно дифференцировать. А когда мы говорим о равенстве прав, то мы не допускаем никаких причин, которые могли бы ее ограничивать.

Например, в Конституции Польши записан запрет на дискриминацию в политической, экономической и общественной жизни, а также то, что равенство прав мужчин и женщин охватывает уже четыре области. Это означает, что польский законодатель допускает дискриминацию детей в семейной жизни. Потому что семейной жизни нет в общем положении, говорящем о запрете дискриминации, а ведь в семейной жизни участвует мужчина, женщина и ребенок. Исключение из общего положения запрета дискриминации семейной жизни означает, что законодатель допускает дискриминацию ребенка в семейной жизни. Это трудно, это сложно понять, и я всегда на экзамене задаю такие каверзные вопросы, а студенты тоже испытывают трудности. Есть такое положение, что налагается запрет на дискриминацию в зависимости, например от

пола, и есть равенство прав, а равенство прав это - куда более сильное положение, исходящее из предпосылки, что нет никаких обоснований дифференциации прав. Запрет же дискриминации говорит о том, что если мы все-таки обнаружим какую-нибудь обоснованную причину, то можно дифференцировать.

Я говорил, что все права и свободы, за исключением свободы от пыток и рабства – ограничены. В государствах Восточной и Центральной Европы многие уже привыкли считать, что коль скоро власти могут ограничить право, то на практике ликвидируют это право. То есть согласие с ограничением означает согласие с ликвидацией. Но если мы посмотрим на конституции разных стран и на международное право, в частности на Европейскую конвенцию, то окажется, что каждое положение, допускающее ограничение прав и свобод, имеет свою структуру.

Свобода слова может быть ограничена на основании закона или правового положения во имя защиты, и называются следующие ситуации: безопасность государства, предотвращение преступности... возможно перечисление пяти или шести таких целей. И добавляется: в размерах, необходимых в демократических обществах. Такова типичная структура ограничений прав или свобод. То есть речь идет о том, что ограничение допустимо, но лишь только законом. Это не входит в компетенцию исполнительной власти, только парламента и то лишь во имя защиты четко определенного и узкого круга ценностей. Ограничение возможно, но только в пределах, необходимых в демократическом обществе. Или же, как говорится в других документах, в демократическом обществе свободных людей.

Я хотел бы вам показать теперь, по какому пути продвигался Конституционный суд или Европейский суд, рассматривающий вопрос конституционности или же соответствия Европейской конвенции положений, ограничивающих то или иное право или свободу. Европейский суд или же Конституционный суд проводит своеобразный тест на четырех уровнях, тест по отношению к стране, где происходит ограничение какого-либо права, например права на собственность, на жизнь или свободу высказывания. Первый вопрос, который задает судья Европейского суда – введено ли ограничение на основании закона? То есть, принял ли парламент соответствующий закон или ограничение вводит министр или премьер, если министр или премьер, то все уже ясно, что нарушена конвенция.

Вторая часть вопроса касается рассмотрения закона, ограничивающего какое-то право, принятое парламентом. Ведь не каждый закон, формально принятый парламентом, будет сочтен Европейским судом, соответствующим Конвенции. Это должен быть качественный закон, это должен быть закон, который соответствует стандартам правового государства. Если бы парламент принял закон, что губернатор может делать все, что ему придет в голову, и может это сделать с каждым человеком который окажется на его территории, то Европейский суд скажет, что хотя формально такой закон был принят парламентом, он не является законом, потому что это решение предоставляет огромную власть губернатору, что уже это нарушает принципы правового государства. А принципы правового государства сводятся к тому, что правила игры между властью и гражданами должны быть ясными. Я как гражданин должен знать, что власть сделает в ответ на мое поведение, и поэтому положение, на основании которого губернатор может делать все, что угодно, не дает мне возможности такого прогнозирования. Значит, этот закон, хотя формально и был принят парламентом, не является качественным законом, на основании которого можно было бы допустить ограничение права.

То есть первый элемент теста составляют два вопроса: вопрос - ввел ли парламент это ограничение, а второй вопрос – сформулировано ли это ограничение достаточно четко, то есть настолько четко, чтобы гражданин имел возможность предусмотреть, что по отношению к нему предпримут власти. И есть решения суда, в которых так и говорится, что имело место нарушение права, потому что принятый парламентом закон был настолько нечетким и непонятным, что гражданин не мог предусмотреть, что власти предпримут по отношению к нему.

Допустим, что первый элемент теста был пройден, парламент принял этот закон, и закон четкий. Суд переходит ко второй плоскости и начинает рассматривать, было ли ограничение свободы слова или права на частную жизнь введено для защиты тех целей, которые допускают такое ограничение или же во имя каких-то других целей. Например, для того чтобы властям было удобнее, или для того, чтобы скрыть что-то, например коррупцию. Действительно ли это ограничение призвано защитить безопасность государства или защитить от преступности, или же в действительности цель другая и есть только ссылки на высокие цели. И опять же есть известные решения, в которых говорится, что имело

место нарушение Конвенции или Конституции, ибо действительная цель – ограничения права и свободы - представляется иной, чем та цель, которая допускается.

Если мы прошли и этот тест, то судья задает третий вопрос: необходимо ли такое ограничение в демократическом обществе? Ограничение прав и свобод человека – это некоторая экстремальная ситуация и правительство страны, которая предстает перед Европейским судом, будет вынуждено доказать, что не было никакой другой возможности защиты той ценности, которую правительство стремится защищать, как только ограничение свобод. Например, нельзя было увеличить расходы на полицию, нельзя было по иному организовать пересылку и доступ к секретным документам. Пришлось ограничить именно права и свободы. И, опять же, в целом ряде случаев Европейский суд выносил решения, что хотя закон ясен и принят парламентом, и действительно принят во имя тех ценностей, защита которых может повлечь за собой ограничение прав и свобод, то, говорил суд, есть другие методы и можно было не прибегать к ограничению прав и свобод. А значит, имело место нарушение Европейской Конвенции.

Если ограничение прав и свобод все же было признано возможным, несмотря на эти три вопроса, появляется четвертый вопрос. Суд рассматривает, были ли приняты минимальные ограничения, но достаточные для защиты тех ценностей, которые нас интересуют. То есть Суд задает вопрос, не продвинулся ли законодатель слишком далеко, и возможны ли меньшие ограничения. Ведь часто бывает так, что государственные власти настолько закрываются, что секретной уже считается вся информация, например, где расположено государство и какое население. Так, например, в Польше, где закон о государственной тайне сформулирован так, что секретной информацией может считаться любая информация, важная с точки зрения обороноспособности страны. И, например, важной информацией можно считать то, что Польша расположена между Вислой и озером... что население 40 млн. Что люди передвигаются на двух ногах, это тоже может быть важным для обороны страны, и, ссылаясь на такое широкое положение, все можно было бы засекретить. В связи с этим, если бы этот закон был опротестован в Европейском суде, то Европейский суд скажет, что хотя допускается засекречивание во имя защиты государства, но нельзя, однако, продвигаться слишком далеко. А тут уже законодатель

продвинулся слишком далеко и хотя цель - безопасность государства – подлежит защите, можно ограничить свободу высказывания, но не в столь широких пределах.

И честно говоря, большинство решений, относительно нарушений прав и свобод, решений, как конституционных судов, так и Европейского суда, (когда я говорю о конституционных судах, имею в виду как польские, так и венгерские и немецкие конституционные суды) как раз идут в том направлении, что столь сильное ограничение права не было необходимым, достаточно было применить меньшее ограничение, чтобы защитить ту или иную ценность. И лишь только тогда, когда дается положительный ответ на все четыре вопроса, о которых мы тут говорили, суд выносит решение, что действительно допускалось то, что было сделано, это допустимо в свете, как конституции, так и конвенции.

Проблема, связанная с социальными правами. Социальные права, так как я это понимаю, носят несколько другой характер, чем гражданские и политические права, о чем я уже говорил. Большинство социальных прав – это не своего рода последствия личного достоинства человека, это лишь результат общественного договора. И честно говоря, для меня было нечто удивительное, когда я следил за дебатами, предшествующими принятию конституций в государствах Центральной и Восточной Европы. Я не видел ни одного политика, который честно в дискуссии по законопроекту конституции говорил бы о проблемах социальных прав. Дело примерно так обстоит, это мы зарабатываем деньги, не президент, не премьер-министр, не министр, и дальше уже дело договора между мною и моим государством. Я смогу договориться, что от тысячи долларов, которые я заработаю в течение месяца, 50 долларов перечислю премьеру, а вместо этого буду ожидать, что если я отправлю ребенка в школу, то школа уже будет бесплатная. Могу договориться по-иному, что эти 50 долларов останутся у меня в кармане, я займусь предпринимательством, куплю какие-то акции, а потом, когда надо будет послать ребенка в школу, я буду платить за его учебу. Могу из денег, которые я получаю в последние дни месяца за свою работу, взять еще 50 долларов, дать премьер-министру и ждать, вдруг я заболею, и мне не придется тогда платить врачу за услугу. А могу оставить эти деньги в кармане и сказать – это мои деньги, если я заболею, то буду оплачивать услуги врача самостоятельно. Могу еще 100 долларов дать и ждать, пока моему сыну исполнится 18 лет, он получит квартиру

– двухкомнатную или однокомнатную. Или могу эти 100 долларов опять оставить в кармане и сказать, что это мои трудности, мои хлопоты, я куплю квартиру сам. Я могу дать еще 100 долларов и ожидать, что через четыре года я получу красную машину с емкостью двигателя 1600, а могу откладывать эти деньги, а там уже куплю, не куплю – это моя личная проблема.

Все это связано с договором, который я совершу с государством, какую часть своих денег передам государству, чтобы государство удовлетворяло свои потребности, а какую часть оставляю у себя в кармане и сам потом буду нести ответственность за все.

При коммунизме мы формально не платили никаких налогов, то есть получали те деньги, которые составляли 20, 10% стоимости нашего труда. Мы даже не знали, платим мы налоги или нет, а государство свои дела само улаживало. А сейчас, кажется, что следовало быть честными и провести общественное обсуждение, какую часть денег, которые мы действительно, честно работая, зарабатываем, хотим отдать, и что за эти деньги мы можем получить от государства.

Я полагаю, что есть несколько социальных прав, за которые я лично готов платить. Полагаю также, что несколько прав, которые раньше относились к социальным правам, в действительности являются личными или политическими правами. И мы должны оплачивать армию, и другие права, например, право на учебу. Сегодня часто можно услышать, что право на учебу, ранее считавшееся социальным правом, может являться личным и даже политическим правом человека. На эту тему много дискуссий. Например, учеба в школе гарантирована институтом, то есть государством. Но, например, учеба в высшем учебном заведении уже необязательная. Или, например, дома отдыха, санатории...

Следующее право, которое, по крайней мере, в европейских государствах рассматриваться, так как защищаемые права политические или гражданские, а не социальные, это право на социальное обеспечение. Чтобы никто не умирал от голода или от отсутствия основной медицинской помощи. Не только потому, что человек в действительности не может заработать для себя, но потому что человек имеет еще одно основное право – право на выживание, не обязательно на жизнь на соответствующем уровне. Все остальное надо обсудить, хочу ли я, например, платить ежемесячно часть заработанных мною денег и отдавать государственным бюрократам или нет.

Что касается медицинского страхования, в государстве, где нет такого принуждения перечислять государству часть заработка для того, чтобы государство организовало такого рода помощь, совершенно очевидно и натурально, что появятся страховые компании, которые находятся в конкуренции между собой, и я сам выберу, в какую фирму я буду вносить взнос, а эта фирма вместо этого будет гарантировать мне возврат за лечение, если я заболею. Но тут уже правило свободного рынка, эти фирмы обычно конкурируют между собой и это лучше чем я плачу деньги администрации, а у нее монополия обычно. И она обычно менее производительна, менее эффективна в своей работе, чем свободный рынок страхования медицинского обслуживания. Как, например, я страхую свой автомобиль, точно также я страхую свое здоровье. И я уже не говорю о принудительном страховании автомобиля, но есть страхование автомобиля добровольное, если что-то случится с машиной, мне вернут деньги, так что выгодно заплатить и застраховаться. Точно так же, может быть выгодно, застраховать свое здоровье и это более разумно, чем это было бы задачей государства. Хорошо когда работает свободный рынок, но если кто-то хочет рисковать, у него много денег, он предполагает, что он здоров и в ближайшие пять лет не заболею, то может не платить такие взносы, не страховаться и рисковать. Жизнь в свободном обществе связана с принятием личного риска на себя и тем-то и отличается от жизни общества, где все это решается сверху и такие решения бывают связаны и с хорошими и с плохими последствиями, ну что ж, на то он и риск.

А теперь посмотрите на статьи в международном праве, касающиеся социальных прав. Защита социальных прав, за исключением права на учебу, очень слабая. Есть международные конвенции, Пакт социальных, экономических и культурных прав, например, но там нет возможности обжалования в суде, который вынес бы решение, что мое государство нарушило положения этого Пакта. В отличие от международного Пакта гражданских и политических свобод, где имеется возможность индивидуальной подачи жалобы в комитет по правам человека и обвинения своего государства в том, что оно нарушило право выбора места пребывания, неприменения пыток и так далее.

То же самое и в европейской системе: личные, гражданские и политические права находятся под очень сильной защитой Европейской конвенции по правам человека, самая сильная система международной

защиты прав человека. А Европейская социальная хартия, которая является аналогом Пакта социальных и экономических прав ООН-овской системы, практически не обладает никакими методами защиты или методом заставить государство, ратифицировавшее этот Пакт, соблюдать его.

Сейчас наблюдается тенденция к усилению защиты социальных прав в международном праве, но я, честно говоря, пессимист и не думаю, что легко удастся построить механизмы, которые заставят государство соблюдать эти права. Кроме того, я не полностью убежден в целесообразности таких инструментов, потому что я предпочитал бы, чтобы эти несколько основных прав, такие, как право на учебу, свобода от страха умереть с голоду или от отсутствия медицинской помощи, или свобода слова, запрет на применение пыток, чтобы эти права были взяты под сильный контроль. А остальное оставить решению граждан государств, которые сами выберут, что предпочитают, сколько хотят платить государству, чтобы государство решало кое-какие проблемы, а, сколько оставить у себя в кармане или дать страховому агентству, которые конкурируют и предлагают лучшие или худшие условия. И эти граждане будут сами решать свои проблемы. Думаю, что иная ситуация, иные решения могут быть приняты в России, на Украине, в других странах. Все зависит от того, что мы сами захотим, но свобода от применения пыток должна быть очень сильно защищена в каждой стране.

И еще, если на территории бывшего Советского Союза, я говорю о гражданских и политических правах человека, о достоинстве человека, то обычно бывает так, что слушатели в зале, особенно в тех регионах России или Украины, где не платят зарплату на протяжении многих месяцев, кричат: «Зачем нам свобода слова, для нас важны социальные права. Чтобы пенсию платили, чтобы зарплату платили – это важно!» Что им можно ответить? Нет возможности гарантировать соблюдение социальных прав до тех пор, пока не будут гарантированы личные и политические права. До тех пор, пока у меня нет права на суд, на эффективно действующие суды, с помощью которых я смогу заставить предприятие платить мне зарплату, где я могу заставить государство как институт выплачивать мне пенсию, до того времени эти социальные права трудно затребовать. Только свобода слова, свобода на объединения (ассоциацию), право на демонстрации, право на справедливый и

эффективный суд - все это мне может дать те инструменты, которые дадут возможность мне отстоять свои социальные права. Если я не обладаю этими инструментами, то могу сидеть и плакать или идти к власти и просить власть, чтобы она все-таки захотела мне заплатить за мою работу или пенсию. Но у меня нет инструмента, который мог бы заставить власть отдать мне то, что мне принадлежит.

Есть еще один отдельный блок прав, связанных с процедурой, то есть со всеми способами, которые дают мне возможность заставить власть соблюдать мои права и материальные свободы. И дискуссия о материальных правах человека, должен ли этот каталог быть длинным или более коротким, эта дискуссия не имеет смысла до тех пор, пока у нас не будет эффективно действующих прав, процедур, которые заставят премьер-министра, министра, президента делать то, что входит в их обязанности, и чтобы не делал того, что ему не разрешено.

Если нет таких прав и процедур, то есть способов заставить власть вести себя прилично по отношению ко мне, есть, однако, две возможности: могу обратиться к этой власти и сказать: «Дорогая и любимая власть, я умоляю тебя, сделай что-нибудь для меня». Но просить - это всегда унижение, это нарушает мое достоинство. Я могу обратиться к власти и пытаться ее утешать, топтать ножками, и говорить: «Ах, ты, такой сякой, если ты этого не сделаешь, то я уж тебе покажу». Но этот гнев и крики тоже унижают человека, поэтому и нужны процессуальные права, где я, никого не умоляя, ни на кого не крича, могу потребовать то, что мне полагается. А включенная мною процедура производства против президента или против премьера, если я прав, заставит их, в конце концов, делать то, что входит в их обязанности и не делать того, что им не разрешено.

Многие из нас были воспитаны в такой системе, где мы знали, что в наших конституциях закреплены какие-то наши права и что наше государство ратифицировало какие-то международные конвенции о наших правах. Все это, знаете, чепуха на постном масле. Я не могу всем этим воспользоваться, потому что, если я пойду в любое управление и начну ссылаться на какие-то статьи Конституции или на ООН-овские пакты, то должностное лицо в лучшем случае засмеется, а мне это ни в чем не поможет. Эти документы подписывают политики, чтобы их принимали в международных салонах, но они совсем не служат мне. Сережа Ковалев мне рассказывал, что когда он сидел под Пермью,

у него был такой глуповатый обычай писать жалобы, причем, ссылаясь на Конституцию СССР, писал, что ему не нравилось, жаловался на то, что происходило вокруг него. Однажды вызвал его следователь и говорит: «Господин Ковалев, Вы ведь такой интеллигентный человек и не понимаете, что советская Конституция существует-то для того, чтобы африканцы думали, что именно так живет в Советском Союзе. Ведь Конституция то для них, а не для Вас, что Вы тут голову морочите?» И так это действительно было.

Какие у нас процессуальные права? Первое – вопрос прямого применения конституции, это скорее американская, а не европейская традиция. Но сейчас Европа ее активно перенимает и, например, в Польше новая Конституция предполагает именно прямое её применение.

Прямое применение конституции – это та причина, ради которой... Вы, например, смотрите американские фильмы и заметили, что все герои все время ссылаются на американскую конституцию, говорят о конституции, выпьют... водку и о конституции, встречается с девушкой и о конституции. Почему? Потому что американец знает, что если он пойдет в какой-нибудь государственный орган с каким-то делом и чиновник ему откажет, потому что есть приказ министра, гражданин достанет конституцию из кармана, их конституция – это чуть более 20 поправок, и скажет: «А мне наплевать на вашего министра, у меня есть конституционное право и тут написано, что это куда важнее, чем то, что говорите вы или ваш министр. Так что принимайте решение на основании конституции».

И если этот американец обратится в суд, а суд и прокурор будут ссылаться на закон, принятый парламентом, то опять же американец вынет конституцию и скажет: «А мне наплевать на ваш закон и на ваш парламент, у меня в руках конституция и тут предусмотрено конституционное право и, пожалуйста, применяйте конституцию». А суд скажет: «Извините, извините, раз так в конституции, значит так должно быть». То есть, и администрация и суды применяют напрямую конституцию. Если какой-то закон, какое-то правовое положение не соответствуют конституции, то можно применять конституцию и решение будет приниматься только на ее основании. Конечно, я тут говорю об идеальной модели, в действительности дело обстоит

гораздо сложнее, но эффект именно такой. Очень часто бывает так, что приходится поспорить и походить, не всегда чиновники смиряются, когда вы доказываете свою правоту. Очень часто приходится бороться, но, тем не менее, конечный результат будет достигнут, а американец знает, что несколько прав, которые есть в конституции, действительно действуют. И именно поэтому он постоянно ссылается на конституцию.

И еще несколько слов о судах. Суды, пожалуй, самый важный инструмент защиты прав человека, я имею в виду конституционные суды, административные суды, суды общей юрисдикции, уголовные суды и другие суды. Но в Центральной и Восточной Европе иначе понимается право человека на судебное разбирательство, то есть 6 статья Европейской Конвенции, или 14 статья ООН-овского Пакта. Обратите внимание, право на судебное разбирательство – это позитивное право человека, точно такое же, как право на труд и право на образование. Это нечто положительное, то есть власти предпринимают какие-то действия, создают суды, которые призваны служить гражданину, я имею ввиду право воспользоваться судом. Мы же привыкли к тому, что суды – это инструмент в руках властей. Власти его применяют для того, чтобы нас запугать и замучить... и если мы о чем-то думаем в этом контексте, то уж скорее о свободе от судов, а не о свободе предстать перед судом. Очень редко мы считаем, что суд – это нечто хорошее и как здорово, что есть вообще суды, а мы можем ими воспользоваться. Разница такая, что в моей стране, когда я, например, не согласен с соседом и мы поспорим из-за того, кому убирать снег у дома зимой или можно ли на лестнице держать велосипед, который мешает, мы поругаемся из-за этого, и считается, что все в порядке. Я даже могу его стукнуть хорошенько или он меня, это конечно не так красиво, но тоже считается приемлемым. Но если я на него подам в суд, то большой сволочью окажусь в его глазах, это значит, что уже так я его ненавижу и такую свинью я ему подкладываю... На хорошего соседа в суд! Ну, невозможно ведь это... И люди готовы даже подраться, но в суд уж никак не обратятся. А в цивилизованной стране, если двое англичан спорят, кому убирать снег у дома, то они говорят: «Слушай, мы же платим налоги. Есть у нас нейтральный арбитр – судья, давай пойдем, обратимся к судье, он нас рассудит. А пока, пойдем, выпьем виски, сыграем партию в гольф, а решение примет нейтральный судья».

Суд – это институт, который служит для того, чтобы цивилизованным образом разрешать споры между гражданами, между гражданином и должностным лицом или государственным органом, а также между государственными органами. И суд дает нам возможность, чтобы без каких-либо скандалов с чиновниками мы могли передать дело в административный суд, который изучает все административные решения государственных органов и отменяет несоответствующие решения. Суд разрешает конфликт с моим соседом, разрешает споры между, например, государственными органами, споры относительно того, какой орган и что компетентен сделать. И опять же дело будет обстоять не так, что мы будем думать и гадать, кто важнее, прокурор или директор тюрьмы, а надо обратиться к судье и суд скажет, примет решение – директор или прокурор, и не нужно тут применять силовые методы. То есть ни мы, ни государственные органы не будут применять силовые методы, а все решения выносит суд.

Я думаю, что нам еще предстоит долго учиться тому, что такое суд. И пока мы не научимся, нам очень трудно будет бороться за права человека. Однако есть еще и другие обстоятельства, искажающие понятие суда в наших странах – это коррупция судов, в силу которой люди не верят судам. Десятки, а может быть даже сотни лет такой традиции, в которой суды не были независимыми, а работали по политическому заказу исполнительных властей.

И еще остается такое обстоятельство, как неуверенность, недопонимание судьями того, что они являются третьей ветвью власти. Я говорил о демократии, но не ссылаясь на модель Монтескье, а очень часто говорят о том, что есть три ветви власти: законодательная, исполнительная и судебная. Все они очень важны, они контролируют друг друга, и если одна из них ведет себя не так, то две другие ее контролируют и сразу же наказывают. То есть вся идея в том, что каждая власть контролируется остальными ветвями власти, а поскольку две контролируют, то они сильнее этой одной. А у нас судьи очень часто не осознают того, что они третья власть, что их задача – осуществлять контроль за исполнительной и законодательной властями. Это и несогласие с законами, которые не соответствуют конституции, не применение таких законов. Непонимание того, что суды – это равноправные партнеры. Недавно я беседовал с судьями Польского Верховного Суда и сказал, что в моей оценке, каждый из Вас, господа, столь же важен, как и министр, а может быть даже

важнее, потому что министр сегодня есть, а завтра его уже нет. А вы? Как судья Верховного Суда. Вы уже до конца своей профессиональной жизни будете судьей Верховного Суда и Вы контролируете министра и работу парламента. А они говорили: «Что, действительно, мы такие важные? Действительно, у нас такое значение?» Они этого не осознавали.

Обратите внимание на то, что касается трех ветвей власти: законодательной, исполнительной, судебной. Только у судебной власти есть ценз образования, парламентарием может стать безграмотный дядька, его достаточно лишь избрать. Премьером может стать человек без каких-либо знаний и опыта, потому что политический механизм его вытолкнул на этот пост.

Судебная система – это единственная власть, где есть какая-то гарантия того, что люди имеют определенное образование, необходимое для работы на этом посту. И это тоже определяет особую роль судебной власти.

Я считаю, что вопросы, связанные с судебной системой – это ключевые вопросы для построения демократии в наших странах. Важно укрепление судебной системы. И я понимаю, что это безумно трудные вопросы.

Я назвал Конституционные суды, то есть суды, в которых обвиняются не люди, а законы. Такой суд изучает конституционность законов, соответствие законов международному праву, внутреннюю связанность национального законодательства. В административных судах можно обжаловать все решения государственных органов власти и самоуправления. Эти суды рассматривают порядок принятия решений, и если решение было принято несоответствующим путем, оно может быть отменено.

Другие процессуальные права – это прямая ответственность чиновника за нарушение конституционных прав и свобод. Это существует во всем цивилизованном мире и как-то никак не может проникнуть к нам. Система тут такая: если мне предстоит чего-то добиться от государственных органов власти, а чиновник своим поведением нарушает то или иное конституционное право или свободу, я могу обратиться в суд. И если суд придет к выводу, что чиновник действительно нарушил конституционное право или свободу, то выносит решение о выплате мне компенсации за моральный ущерб, который был мне нанесен. Причем это возмещение выплачивает мне

не государственный бюджет, а оно мне выплачивается из кармана этого чиновника. То есть не мы все, налогоплательщики, участвуем в этом, а он, тот который нарушает мои права и свободы, платит из собственного кармана.

Прямая ответственность чиновника за нарушение прав и свобод. Естественно во многих странах есть такие положения, где говорится, что если нанесен материальный ущерб, финансовый ущерб, в связи с бесправным действием органов власти, то мне положено возмещение - это одно. А я тут говорю о возмещении, о компенсации тех прав и свобод, которые не вызвали материального или финансового ущерба, но которые нарушили мои права и свободы. Этот механизм является, по сути, единственным механизмом, сдерживающим государственную власть.

Потому что дело не обстоит так, что короли или президенты ходят по улицам вечерами и издеваются над людьми. Нет, нарушение прав и свобод появляется чаще всего в результате действий должностных лиц или чиновников администраций местного самоуправления.

И отсюда, чрезвычайно важно построить такие инструменты, которые будут защищать от нарушений наших прав со стороны таких чиновников. Если этот механизм ответственности, финансовой ответственности, прямой ответственности чиновников за нарушение конституционных прав и свобод существует, то моя беседа с таким чиновником будет выглядеть совершенно по-другому. Я прихожу и уже не такой боязливый, и если я разволнуюсь, (могу причинить ему вред), то могу подать на него в суд. И чиновник, разговаривая со мной, уже знает, что, если он нарушит какое-либо из моих прав и свобод, а я тут разнервничаюсь и обращусь в суд и начну с ним процессуальную процедуру, то может быть так, что через несколько месяцев придут к нему домой и арестуют его автомобиль или телевизор, потому что надо удовлетворить требования Новицкого, потому что ты нарушил его конституционное право. Это тот механизм, который делает более цивилизованными отношения между мною и чиновником. Посетитель уже не боится чиновника, а чиновник более осторожен в своих действиях. Это совсем не значит, что в более цивилизованных странах этот процесс достаточно прост. Такие процессы случаются и там, но то, что они оглашаются в печати, озвучиваются, вызывают такое влияние, что граждане себя чувствуют увереннее, а чиновники работают более солидно.

Поговорим теперь об омбудсменах, уполномоченных по защите гражданских прав. Это тоже одно из процессуальных прав, служащих защите прав и свобод. И я думаю, что, в общем-то, слишком много надежд возлагают на омбудсменов: они могут многое, но намного меньше, чем полагают, что они могут. Это очень важный инструмент, но это не тот инструмент, который в состоянии решить всякого рода проблемы. И тут очень много зависит, конечно же, от того, кто будет избран омбудсменом, от личности человека. Потому что омбудсмен не может принимать каких-либо решений, это не властный орган. Омбудсмен может направить дело, которое уже рассматривалось в судах еще раз для повторного рассмотрения, но суд, в конце концов, сам примет решение. Омбудсмен может ставить под вопрос какие-то распоряжения административных органов, но не может их отклонять. Администрация должна еще раз продумать, а потом сказать, что она сделает. То есть это орган, который выявляет, показывает, что у него есть сомнения, и просит другие органы принять соответствующие решения, сам же омбудсмен принимать решения не может и правильно, если бы мог, то назывался бы не омбудсменом, а президентом.

Ну что ж я не успею рассмотреть все права, связанные с процедурой и методами. Но в завершение хочу сказать, что примерно 12-13 лет тому назад Джо Флин Блэк, американский философ, написал книгу «Норрвиль». И в этой книге, он описал такое утопическое государство, где у людей не было ни прав, ни свобод, и легко себе представить, что картина была довольно грустной. И это было государство, в котором не хотелось бы жить. Несколько лет тому назад второе издание книжки вышло из печати, и автор сказал, что он долго думал и написал краткий эскиз, номер 2, он как бы присоединил это ко второму изданию книги. В номере 2 он представил город-государство, в котором были права и свободы, полагающиеся каждому человеку, проживающему в этом государстве, и каждый должен был требовать исполнения своих прав и свобод. И каждый должен был бороться за свое. В результате картина оказалась такой же грустной, как и в первом государстве. Ребенок, которого мать шлепнула, должен был обращаться в суд и так далее, и так далее. Оказалось, что такое абсолютное требование – выполнение всех прав, всех правомочий, убило любовь, дружбу, нормальные отношения между людьми. И опять-таки возник мир, в котором трудно было жить. Так что я думаю, что с правами человека у нас тоже так дело обстоит.

Мы должны иметь эти права и располагать эффективными процедурами их защиты... но мы не должны всякий раз этим пользоваться. Я помню, когда был молодым и жил в коммунистической Польше, и мы с друзьями говорили: «Хорошо бы было иметь паспорт, чтобы ездить за рубеж, чтобы этот паспорт лежал дома, не для того, что бы я должен был поехать в Париж или в Лондон, но чтобы чувствовал, что если вдруг мне вечером захочется полететь в Париж, то я полечу. Чтобы иметь возможность».

С нашими правами точно так же, надо иметь возможность их исполнения, иногда пользоваться ими, а иногда сказать: «А, Бог с ним!». Один сможет затребовать, а другой не хочет, но нельзя быть фанатиком, фанатикам тоже трудно живется.